

МАРИНА

ДРОБКОВА

ТЕЖНО РЕАЛЬМА

ПРАВИЛО
ЧЕТЫРЕХ

Техноведьма

Марина Дробкова
Правило четырех

«РОСМЭН»

2016

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Дробкова М.

Правило четырех / М. Дробкова — «Росмэн»,
2016 — (Техноведьма)

ISBN 978-5-353-08218-7

Продолжение необыкновенной истории Ани Пчелкиной. Цепь удивительных событий приводит ее на остров Центральный, в благополучный мир передовых технологий и искусственного интеллекта, где все довольны и счастливы. Но так ли все здорово и безмятежно, как кажется на первый взгляд? Пусть здесь нет орланов, которые пугали жителей Светлоярска, зато на каждом шагу роботы-искины, от одного вида которых Аню почему-то бросает в дрожь. Какие испытания ждут юную техноведьму? Об этом известно лишь обитателям заоблачной башни, которые свысока наблюдают за людьми, орланами, искинами. Они ведут свою игру, правила которой понятны пока только им.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08218-7

© Дробкова М., 2016

© Росмэн, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	31
Глава пятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марина Дробкова

Правило четырех

© Марина Дробкова, 2017

© ООО «РОСМЭН», 2017

* * *

Пролог

Когда ты мыслишь двоичным кодом, выбор прост: либо ноль, либо один.

Итан оставил мобиль на подземной парковке, втиснувшись в плотный ряд таких же легких обтекаемых конструкций, и, миновав прозрачный переход, очутился в холле детской благотворительной клиники.

Освещение средней яркости, упругое напольное покрытие, цветные изображения на стенах и функциональная мебель. Фоном – тихая музыка.

Музыка – это изменение частотных колебаний в единицу времени. Некоторые мелодии Итан преобразовывал в формулы, в точки и графики. Иногда получались целые картины.

Человек бы решил, что музыка Итану просто нравится.

Свернув в левое крыло, Итан пробирался между искусственными пальмами. Отодвигал в сторону свисающие с потолка лианы, так похожие на настоящие. Для него они и были настоящими. Полукруглая дверь привела его в просторный зал. Покатые своды, высокий потолок. В вышине плавало искусственное солнце, под ногами расстилалась искусственная трава. Центр был занят надувным бассейном с шариками. Все соответствовало принципу «Безопасность. Комфорт. Мотивация». В пяти бело-розовых пластиковых кроватках, напоминающих ракушки, спали два мальчика и три девочки в возрасте от полутора до трех лет.

Дети были здоровы. У них просто не было родителей. По разным причинам.

Итан знал это. Он приехал сюда специально.

Навстречу ему вышла врач-педиатр Имоджин.

– Добрый день, Итан. Вы окончательно решили взять на воспитание НИ?

– Да, партнер.

– Вы уверены?

– Да, партнер.

– Передаю информацию повторно: Натуральный Интеллект – сложная разработка природы. Могут возникнуть не учтенные нашими программами ситуации. Они потребуют от вас самообучения в экстренном режиме и самостоятельного принятия решений. Есть вероятность запроса нестандартных действий, которых нет в вашей базе данных.

– Информация получена.

Они общались с помощью визуально-речевого интерфейса. В человеческом обществе так принято, хотя и не обязательно. В присутствии детей это необходимо.

– Вы подтверждаете согласие?

– Подтверждаю.

– Вы можете сделать выбор.

Итан двигался от одной кровати к другой. Анализаторы считывали изображение и прочие параметры.

Девочка. Темные волосы, цвет кожи – смуглый, возраст – два года, родилась на Центральном.

Мальчик. Темные волосы. Цвет кожи – светлый, возраст – три года, родился на Центральном.

Мальчик...

– Задача номер один: выбрать ник для вашего воспитанника, – напомнила Имоджин.

Это задание первого уровня. Итан создал необходимый список. Среди ников для ребенка были Перл, Ада, Рая, Эрланг, Оберон и еще несколько. Требовалось лишь принять окончательное решение.

Мальчик. Светлые волосы, светлый цвет кожи, возраст – полтора года. Остров Центральный местом рождения не является.

Время пребывания Итана возле кроватки мальчика превысило необходимый минимум. Превысило среднее значение. Приблизилось к допустимому максимуму. Итан анализировал.

– Предполагаемый выбор может граничить с опасностью средней степени, – сообщила Имоджин.

– Причина?

– Биологические родители НИ обладают способностью дистанционно перепрограммировать Искусственный Интеллект.

– Мальчик доставлен с острова Светлоярск?

– Верно.

В базе данных Итана содержалась информация о Светлоярске. Мальчик распознавался как потенциальный техно.

– В моей базе есть информация о техно. Уровень моей защиты соответствует стандартам. Задача выполнима. Программа воспитания запущена.

Имоджин произнесла какой-то ответ, но в это время мальчик проснулся и начал кричать, светлая кожа лица мгновенно покраснела. Слова искина не воспринялись визуально-речевым интерфейсом, но у Итана имелись и другие порты для принятия информации.

Он только что получил разрешение.

Другие дети тоже проснулись – кто-то захныкал, кто-то молчал, смуглая девочка хлопала ресницами, темноголовый мальчик вторил басом крикуну. Имоджин успокаивала его, глядя по голове.

Нагнувшись, Итан взял на руки орущего ребенка-техно. Тот постепенно замолк, но все еще был рубиново-красным от натуги.

– Руби. – Итан сделал выбор. – Я назову тебя Руби.

...С ребенком в одной руке и пакетом необходимых вещей в другой Итан покинул благотворительную клинику. С сегодняшнего дня у него будет новая функция: воспитатель НИ.

Когда мыслишь двоичным кодом, выбор делать просто: либо да, либо нет.

Глава первая

О тормозах, мыслешунтах и булках с творогом

Аня

Иногда трудно рассказывать о вещах, не имеющих объяснения. Кажется, что ты сочиняешь небылицы. Даже самой себе кажется. А уж что подумали бы наши – Ната и Славка, близнецы Нагорные, Ирина Андреевна, – начни я вдруг описывать, как прогнала мэра с помощью водяных драконов! Орлан бы поверил, наверное. Он-то знает, что к чему. И Сергей, конечно, не заподозрил бы меня во вранье. Но остальные... Они должны увидеть, как я обращаюсь с техноволшебством. Только так они поймут, что я теперь другая. Уже не маленькая девочка, которая тайком бегала ночью из интерната, чтобы нарвать в лесу орехов. Теперь и интерната никакого нет – сгорел. И остров Светлоярск далеко.

Это в прошлом.

А есть здесь и сейчас: библиотека, Центральный, и я, Анна Пчелкина. Техноведьма.

Я сидела в читальном зале. Передо мной на столе лежала открытая книга под названием «Поселок».

«Грибы тем временем выбрались из мешка, расползлись между корней и некоторые даже успели до половины закопаться в землю».

Я не могла сосредоточиться на том, что читаю. После всего, что случилось, мне не очень-то хотелось возвращаться в библиотеку. Хотелось бежать подальше от этого места: вдруг вернется мэр? Или местная полиция видела мои танцы с драконами и явится сюда за мной? Но ведь я обещала! Люди ждали меня, специально искали книжку. Обманывать их было как-то неловко. А кроме того, я пришла сюда, надеясь встретить детей своего возраста. Вдруг среди них окажется мой брат Алеша или я хотя бы узнаю, где его можно поискать.

Но пока с ровесниками не везло. В кресле у стены напротив сидел мужчина чуть постарше нашего дяди Коли. Он что-то слушал через наушники. На шее у него болталась маленькая черная коробочка, в прорезь которой он вставил крошечный прямоугольник. Никаких приспособлений для большого блестящего круга не было. Да и круга самого что-то не наблюдалось. Наверное, книги тут могут быть совершенно разными. В общем, ничего странного.

А вот впереди меня за столом сидела девушка – наверное, как наша Даша. И то, что она делала, было гораздо интереснее. На девушке тоже были наушники с черной коробочкой, но кроме этого на столе перед ней лежала доска с кнопками. И она быстро-быстро нажимала всеми десятью пальцами на эти кнопки. Когда я вошла, девушка уже сидела здесь, и мне издала показалось, что она играет на рояле. Но рояля не было, звуков не было – да вообще больше ничего у нее не было, кроме этой странной доски и наушников. И чем она занимается, было совершенно непонятно.

Для нас троих зал был слишком большим. По стенам я заметила несколько экранов для театра теней, только под ними имелись кнопки. Неужели экраны как-то освещаются? Вот здорово! Хотя и с обычной настольной лампой тоже неплохо. Одну половину зала занимали два ряда столов, на другой полукругом выстроились мягкие диванчики, перед ними – журнальные столики с темной гладкой поверхностью. Светильники на потолке были плоскими, яркими и походили на звезды. Еще кое-где под столами, в том числе и под моим, стояли какие-то прямоугольные приспособления. Из них торчали провода.

Наконец мне повезло: вошли девочка и два мальчика, и мое сердце забилося от волнения. Все трое в светлых комбинезонах с одинаковыми синими нашивками на рукавах. На груди

нашивки были разные: такого же синего цвета у мальчишек и синяя с золотым – у девочки. «Образовательный модуль № 10», – разглядела я надпись на нашивках. Дети выглядели лет на четырнадцать, не меньше. Девочка носила стрижку каре и была, наверное, симпатичной, но она меня не интересовала. А вот мальчишек я, как говорят, пожирала глазами. Вдруг все-таки кому-то из них тринадцать – ну, почти тринадцать, – и этот кто-то мой брат? Славка с Женьком ведь тоже кажутся старше, потому что растут.

Один повыше, волосы темно-русые, большие глаза, нос... как нос. Другой вообще обыкновенный, как Славка, даже уши такие же, но на щеке родинка. Мне кажется, у Алеши не было родинок на щеках, а волосы – как у меня, светлые. Но ведь я могу ошибаться. И волосы могли потемнеть. А уши... Да кто обращает внимание на уши в полтора-то года! Хорошо, что я вообще что-то помню. Должно быть, благодаря тому, что я техно.

В мою сторону ребята не смотрели. Они одновременно подошли к диванчику и одновременно, как по команде, уселись на него, оказавшись ко мне левым боком. И тут я увидела за ушами у мальчишек круглые черные кнопки и вздрогнула.

У дяди Коли тоже на этом месте кнопка, но другая. Раньше я думала: это для того, чтобы лучше слышать. Но Сергей сказал: наоборот, это сделали, чтобы отец Виталика слышал хуже. Потому что он техно, как и я. И значит, эти мальчики тоже?.. А у девочки, интересно, кнопки нет или она закрыта волосами?

Я чуть было не бросилась к ним, но потом решила задержаться, чтобы еще раз подумать. Я ведь здесь не дома, ничего не знаю. Вдруг только зря выдам себя, а они вовсе не те, кто мне нужен. Все-таки сразу три техно? И так спокойно разгуливают по Центральному острову? Но с другой стороны, они ведь постоянно живут на этом острове.

Пока я раздумывала, встал и ушел мужчина, за ним – девушка. А дети все так же сидели, не двигаясь. Не разговаривали, сосредоточенно смотрели прямо перед собой. Книг и наушников у них не было. Но казалось, что они все-таки чем-то заняты: очень похоже выглядели, например, Лиза с Вкусиком, когда решали в уме волшебные задания. Так, может, и эти тоже решают? Но здесь нет никаких заданий.

На всякий случай я проследила взглядом: нет ли на противоположной стене какой-нибудь таблицы или картинки, которую я вдруг не заметила? Конечно нет! Напротив – только пустой экран, да и он, пожалуй, выше. От нетерпения я не находила себе места. Как поступить? Что сделать?

Наконец девочка будто очнулась, заправила волосы за ухо, положила что-то в карман комбинезона – я не поняла что, у нее же ничего не было в руках – и встала с дивана. Да, теперь я смогла увидеть точно такую же кнопку, хотя она почти сливалась с темными волосами девчонки. Обладательница кнопки заметила меня. Потом перевела взгляд на мою книгу – и снова на меня. Я обрадовалась было подходящему моменту и уже собралась знакомиться, но девочка вдруг отвернулась и, ни слова не говоря, вышла из зала. Ну нет, так они все разбегутся, пока я буду медлить! Зажав страницу пальцем, я закрыла книгу и, держа ее в руках, решительно встала, со скрипом отодвинув стул.

И подошла прямо к мальчишкам.

Вовремя, потому что они одновременно перестали делать стеклянные глаза. Тут же оба полезли за ухо и – теперь мне было хорошо видно – достали каждый из своей «кнопки» крошечный металлический прямоугольник наподобие того, каким пользовался мужчина в наушниках. Только совсем тонкий. Один зажал эту штуку в кулаке, другой – положил в нагрудный карман. Так, значит, и у девочки был точно такой же.

Оба смотрели на меня без всякого выражения и молчали. Как будто я – стол. Или стенка. – Привет, – осторожно сказала я.

Ответа не последовало. «А может, они говорят на другом языке?» – вдруг пришло мне в голову.

– Меня зовут Аня! – почти с досадой произнесла я. – Вы меня понимаете?

– Непонятно, – произнес тот, который с родинкой, на чистом русском языке, но совершенно без эмоций, – она искин?

– Ее ник – Аня. Она не искин, – возразил глазастый.

Хотя возражают обычно хоть с какой-то интонацией! А этот просто... проговорил буквы.

– У нее нет мыслешунта. Она – искин. Ее ник – Аня. Она не искин. Непонятно, – тянул свое С-родинкой.

– Да что с вами? – не выдержала я. – Что вы как роботы?

Хотя роботы на Центральном острове выглядят гораздо более живыми! А эти двое – обычные мальчишки, я почему-то уверена. От искинов исходит что-то... неприятное. Сейчас я ничего такого не чувствовала, но меня раздражало их странное поведение. Кирпичом по голове их огрели, что ли?

– Мы не роботы, – доложил глазастый.

– Цель твоего визита, – выдал С-родинкой.

Видимо, это был вопрос.

– Я... познакомиться подошла! И я не искин, с чего вы взяли!

Я огляделась в поисках поддержки, но мы ведь были одни в зале, и на помощь никто не спешил. Ну как с такими разговаривать?

– Что у тебя в руках? – Все-таки С-родинкой хоть чем-то интересуется. Глазастый-то совсем... потерял для общества.

– Это – бумажная книжка, – с расстановкой сказала я. – Называется «Поселок». Что, не видели никогда?!

– Не видели, – подтвердил С-родинкой.

Второй молчал. И тут вернулась девочка. Но они даже не взглянули на нее. Сидели, не двигаясь, как раньше.

– Время пребывания в зале превышено. Время полдника будет сокращено. Хочу узнать причину.

Она тоже говорила странными предложениями. Но, по крайней мере, не походила на робота! Говорила совершенно спокойно. Но – по-человечески. Как сказала бы, например, хорошая учительница, которая просто сообщает ученику об ошибке, но не сердится.

– Незапланированный контакт, – отвечал С-родинкой.

– Немотивированное поведение, – добавил Глазастый.

И только после этого девочка обернулась ко мне:

– Искин не должен мешать обучению. О баге программы следует сообщить...

– Да кто тут искин! – взорвалась я и даже не заметила, что ору. – Вы что, с ума сошли все?! Я нормальный человек! Живой, нормальный человек!

– Она не искин. Ее ник – Аня. Она из Трущоб, – отчитался С-родинкой.

Дохлый гоблин! Из каких еще Трущоб?! Или... они так называют Светлоярск? Ну, по сравнению с Центральным, наверное, да, у нас – трущобы. Хотя я так не считаю, я люблю свой остров. Но как они быстро догадались! А ведь изображали тупых!

– Из Трущоб? – Наконец-то в лице девочки мелькнуло что-то, отдаленно напоминающее интерес. – Ты пришла, чтобы получить знания?

– Э... да! – поспешно ответила я.

Пусть из Трущоб. Пусть – знания. Назовите хоть летучей мышью. Только давайте нормально разговаривать, а?

– Время полдника, – повторила девочка. – Надо идти в буфет.

Она явно стала дружелюбнее! Хотя и не улыбнулась. Наверное, я просто слышу хорошо: что-то изменилось в ее голосе.

– Сдайте флешки и догоняйте нас. – Это уже мальчишкам.

Все тем же ровным тоном.

Наконец-то они почесались встать! И направились к выходу. И даже не очень медленно.

А я пошла за девочкой – хотя она мне больше ничего не сказала, но ведь попросила же догонять нас. А никаких других нас тут явно нет.

Книжку я оставила в зале.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж. Прямо перед нами высилась огромная арка – вход в буфет. Вот только преграждали его металлические вертушки – как и везде тут, с красными огоньками. Уже по привычке я протянула руку к огонькам... Но передумала. Девочка внимательно смотрела на меня. В руке она держала неизвестно откуда взявшуюся карточку, похожую на те, какими пользовались люди, чтобы попасть на движущуюся лестницу.

– Ты забыла карту, – утвердительно произнесла она.

– У меня нет, – призналась я.

– Потеряла, – кивнула девочка. – Моя подруга тоже всегда теряет карты. Неорганизованность. Пройдем по моей.

Я промолчала. Я не виновата, конечно, при чем тут «неорганизованность»? Но ведь она предложила помочь, так что – ладно. Но все-таки теперь я буду называть эту девочку «училка». Строит тут из себя!

Мы встали близко друг к другу между лопастями вертушки. Училка приложила карту к глазку, он стал зеленым, и мы быстренько проскочили, пока поворачивались лопасти.

Внутри пахло булочками с творогом – как в пекарне у нас на острове. Как я люблю этот запах! Ирина Андреевна иногда водила нас к пекарю за булочками, но чаще мы ходили с Дашей. У Даши всегда были деньги, и она кормила булочками всех детей и когда училась, и когда уже работала учительницей. Но однажды я услышала, как физрук ругает Дашу за то, что она берет деньги у мамы, а ее мама – секретарь мэра. Что в этом такого, не понимаю: не без спросу же она их берет! Мама сама ей приносила, я много раз видела – в интернате нет секретов. Ну, почти нет. Но после этого разговора с Сашей Даша перестала водить нас в пекарню. И ни одной новой заколки для волос себе не купила за целый год, а раньше любила. Паромщик каждый раз привозил по ее заказу целую коробку – нам тоже перепало. А уж что надоест Даше, точно доставалось нам.

А потом все это прекратилось – видимо, Даша отказалась от маминых денег.

И если в этом уютном месте с голубыми занавесочками на окнах, с круглыми столиками на толстой, как у гриба, ножке, стульчиками с резной спинкой и огромным аквариумом тоже кормят за деньги – что вполне вероятно, – то я зря сюда пришла.

Посреди столовой высилась огромная колонна, и аквариум размещался прямо в ней. Я приблизилась, чтобы посмотреть. На нашем острове аквариумы пытались заводить все. Чаще всего использовали самую большую банку, какую удавалось раздобыть. Наполняли морской водой, туда же клали камушки и водоросли. Поймать рыбку несложно – хоть удочкой, хоть сачком. Самые красивые, конечно, на глубине, но нам хватало и тех, что у берега. Но рыбки долго не выдерживали – то ли им не хватало чистого воздуха, то ли мы неправильно их кормили. Поэтому приходилось отпускать, чтоб не подохли. Говорят, для аквариума нужно какое-то приспособление, но никто из нас не знал, как оно выглядит.

Этот аквариум был просто сказочным. Огромные полосатые рыбы, и еще красные, а у самого дна, из грота, торчит желтый хвост. А вот морской конек, а вокруг много водорослей, и вода синяя-синяя, такой и не бывает...

Я протянула руку и дотронулась до стекла.

Аквариум моментально исчез. Стекло потемнело – и оказалось вовсе не стеклом. Поверхность его стала похожа на журнальные столики, что я видела в библиотеке.

Мне, конечно, хватило мозгов понять, что аквариум не был настоящим. Но... Как?!

Я беспомощно обернулась к своей новой знакомой. Слева была воздвигнута такая же колонна, правда без аквариума, но зато с окошечком. И Училка была занята тем, что вытаскивала из окошечка поднос с едой. Подойдя к ней, я увидела стакан-непроливайку, как для малышей, булочку в прямоугольной тарелке, затянутой пленкой, и яблоко, тоже в пленке. Если упадет – ничего не разольется и не испачкается. И не испачкает тебя. Удобно.

Училка повернулась ко мне с подносом в руках.

– Ты никогда не была здесь? – правильно истолковала она мое бездействие. – Нажмешь кнопку, откроется окошко, заберешь полдник.

Я мрачно покосилась на окошечко. Да, вон рядом с ним желтая кнопка. Везде тут эти кнопки.

– Ты знаешь, – вздохнула я. – Я могу нечаянно ее сломать. Кажется, я только что сломала аквариум. Можно попросить тебя нажать эту кнопку еще раз? Поднос я подержу.

Училка повернула голову в сторону второй колонны. И я с радостью заметила, как ее брови медленно ползут вверх. Ну наконец-то и ее чем-то пробрало! Теперь я смогла нормально разглядеть ее и убедиться: действительно симпатичная. Карие глаза, густые ресницы, брови, которые сейчас приподняты, с красивым изгибом. Только рот большой, как у меня почти. Лягушачий. Ну и ладно, зато мы с ней – уж точно не роботы.

В это время вернулись мальчишки. Они без единого слова, не глядя на нас, один за другим подошли к колонне, по очереди извлекли свой полдник и так же, молчком, уселись за один из столиков. Жевали они сосредоточенно, как будто стихи с английского переводили. То, что не работает аквариум, а их подруга стоит посреди столовой как третья колонна, с подносом в руке, на них впечатления не произвело.

– Там камера, – сказала Училка. – Мне второй раз не откроется. Но если перед окном встанешь ты, а я – сбоку, наверное, получится.

Первую часть я, как обычно, не поняла, зато вторую – вполне. И кивнула.

Она поставила поднос на ближайший столик. Когда мы подошли к колонне, я увидела надпись над окошком: «Улыбайтесь, камера любит вас». Рядом торчал какой-то... фонарик.

Ну раз просят – жалко, что ли.

Я широко растянула губы, демонстрируя, что «мы тоже очень рады», и глядела прямо в глаз фонарику, а моя спасительница, встав с края, тем временем нажала кнопку.

Сработало. Отлично!

– Спасибо! – с искренним чувством поблагодарила я, вытаскивая свой честно заработанный – еще бы, сколько труда и волнений! – паек.

Такой же стаканчик, такая же тарелочка с булкой. Вот только яблоко мне досталось огромное. Видимо, я все-таки везучая.

– Как тебя зовут? – спросила я, когда мы наконец уселись и принялись за еду.

– Мой ник – Линкка.

– А этих? – Я кивнула на мальчишек.

– Ответят сами, если захотят.

Ну надо же! Какие скрытные. Зайдем с другой стороны...

– А сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

– А мальчишкам? – немедленно вырвалось у меня.

– Пятнадцать и четырнадцать, – последовал ответ.

Ф-фу. Гора с плеч. Никто из этих долбануток мне не брат.

– Почему они такие... тормоза?

Получилось не слишком вежливо, и вопрос был, скорее, в никуда. Но Линкка неожиданно ответила:

– Уплотненная программа. Ускоренный темп. Высокая нагрузка на мозг. Мыслешунт блокирует второстепенные импульсы.

Не все слова я знала, но смысл был совершенно понятен: переучились, бедолаги.

– Но ты-то нормальная! – возразила я.

– Они тоже нормальные.

– Извини... – Я почувствовала, как загораются уши. – Я хотела сказать... Ты ведь...

– Я учусь по общей программе, – пришла мне на помощь Линкка. – У них – хай-фай.

А ты?

– Я учусь по программе седьмого класса, – честно ответила я.

– Не слышала, – сказала Линкка, и я подавилась булкой. Хорошенькое дело!

– Почему вы решили, что я искин? – вспомнила я, прокашлявшись.

– Ты не носишь мыслешунт.

– А разве все люди носят?

– Все дети от пяти лет, кроме детей Трущоб. Они не хотят учиться. Они играют в игры, хулиганят и рисуют каллиграффити.

Я даже жевать перестала и воззрилась на нее. Вот это новость! Даже без учета того, что последнее слово мне незнакомо.

– Но к тебе это не относится, – продолжала Линкка. – Ты пришла получать знания.

– А что, в школу дети Трущоб тоже не ходят? – съязвила я.

Она не ответила. Только старательно морщила лоб, как будто сиюсь что-то вспомнить. Похоже, простой вопрос загнал ее в тупик.

– Нет данных, – наконец ответила Линкка. – Тебе виднее. Нам пора идти – время вышло.

Она поднялась, и одновременно с ней встали из-за стола мальчишки. Главная она у них, что ли? Вот и поговорили! Совершенно ничего не удалось узнать.

Я тоже вскочила с яблоком в руке. Круглая столешница тут же провалилась в середине, и все, что было на столе – стаканы, тарелки, – ухнуло внутрь, прямо в ножку. И далеко внизу зашумело. Со столиком мальчишек происходило то же самое. Интересно, там и моется само или они это все выбрасывают?

Меж тем мои новые знакомые уже спускались по лестнице, и мне ничего не оставалось, как кинуться следом.

– Подождите! – крикнула я, остановившись на верхней ступеньке. Они обернулись. – Мне надо найти одного мальчика.

– Ник? – спросил на этот раз С-родинкой.

– Алексей, – без надежды ответила я.

– Нет данных, – произнес мальчишка.

– Сделай запрос в инфопортал. У тебя нет мыслешунта, значит, сможешь войти в Паутину. Или попроси взрослых, – ответила Линкка.

После чего все трое развернулись – и удалились.

Отличный совет, дохлый гоблин. Даже два. И как мне ими воспользоваться? Первое – не для слабоумных из Трущоб, второе – опасно.

Подбрасывая в руке яблоко, я вернулась в читальный зал. Почему он так называется? Кроме меня, тут и не читал никто. Подошла к столу, на котором одиноко лежала моя книга, раскрытая на том же месте: «Грибы тем временем выбрались из мешка, расплозились между корней и некоторые даже успели до половины закопаться в землю». Что за странные грибы – автор ошибся, что ли? Может, это зверьки какие-то? Хотя... Кто сказал, что в нашем лесу таких не водится? Что я вообще знаю про лес? Я только и заходила туда что на двадцать шагов. А в глубине, может, и грибы бегают, и ягоды песни поют. Благо там нет никого. Из людей.

«Библиотека закрывается. Просьба сдать информационные носители», – зазвенел под потолком приятный женский голос.

Я подняла голову от книги... и только сейчас заметила, что в кресле у стены, где раньше сидел мужчина в наушниках, теперь восседает незнакомый человек. Он медленно встал, и я машинально сделала шаг назад. Я заметила орлиный нос. Хищный взгляд. Тонкие пальцы с острыми ногтями. Черную одежду – костюм почти как у мэра, но рубашка тоже черная. Все это я разглядела в один момент и бросилась бежать.

Этот человек был слишком похож на того, которого я видела во сне, в тоннеле, хотя и не разглядела тогда лица. Он ничего не сказал мне, ничего не сделал. Возможно, даже не пошел за мной. Но мне почему-то было так страшно, холод пронзил позвоночник, а ладони тут же вспотели, что даже мысли о том, чтобы остановиться и спокойно подумать, не возникло. Я пролетела по коридору и очутилась в зале с картиной и люстрами, вихрем пронеслась через ворота с лампочками и через минуту была уже на улице. Медальон под футболкой немилосердно колотил меня, напоминая о своем существовании.

Расслабилась, дуручка! Уши развесила. Рот раскрыла. Ты зачем сюда пришла, булки в библиотеках есть? Делом займись уже, пока тебя не поймали!

Едва передохнув, я рванула в сторону поезда. Выяснилось, что в те двери, откуда я вышла, войти нельзя. Но другие оказались неподалеку.

Отключить столбики? Пожалуйста. А вот за лестницу хвататься не будем, пусть везет.

Вот я и наверху. Подошел поезд. Я поспешила внутрь и успокоилась только тогда, когда закрылись двери.

«Следующая станция – «Пять холмов»», – объявил голос.

Вонзив зубы в яблоко, я повернулась, чтобы на прощание глянуть в окно.

Человек в черном стоял на перроне.

Глава вторая

О гуманистах, степе и транзисторных приемниках

Руби. Флэшбэк.

Итан слушал «Болеро» Равеля. Из всей музыки, написанной человечеством, ему больше всего нравилась именно эта. Четкий ритм работающей фабрики.

Вызов пришел по видеосвязи. Профессор Иоландо, такой же боди-искин, как Итан, просил визуально-речевое контакта – тестировал интерфейс перед проверкой Образовательной Инспекции. Взглянув на датчики эмоционального фона, Итан зафиксировал норму. Не выключая «Болеро», он развернул виртуальную приемную.

Иоландо выглядел, как всегда, безукоризненно: около сорока человеческих лет на вид, белый костюм без единого пятнышка, прическа «Четыре погоды», на лице – выражение доброжелательности и участия.

– Рад приветствовать, партнер. Примите сообщение. Категория важности – один.

Итан активировал почтовый ящик.

– «Программа Руби необучаема»? – переспросил он, не замечая, что посылает запрос через мыслешунт, хотя сейчас это было нарушением этикета: ведь Иоландо находился с ним в визуальном контакте. Профессор словно не заметил оплошности Итана и слегка кивнул.

– Все попытки обучения вашего воспитанника через мыслешунт провалились.

– Причина найдена?

– Найдена. Руби его отключает. Его организм не приспособлен к взаимодействию с электроникой. Найдите решение.

Итан взял мобиль и отправился в Образовательный модуль за Руби. «Физическое перемещение неудобно и отнимает время», – в который раз подумал он. Гораздо лучше перемещаться информационно, как софт-искины. Но софт Натурального Интеллекта неотделим от носителя. Поэтому приходится возить Руби в единственно возможном боди-варианте.

Движение в этот час было весьма интенсивным, мобиле Искина не сразу удалось попасть в Главный поток. И на стоянке возле Образовательного модуля пришлось покружить, высматривая свободное место. Итан не помогал навигатору, он составлял поведенческий алгоритм для своего воспитанника.

Руби находился в зоне ожидания – восьмилетний мальчик в светлом комбинезоне с капюшоном. Искин поспешил выйти из машины и вскоре уже обнимал ребенка – в лучших человеческих традициях. Далеко не все воспитатели прибегали к этой манипуляции, приветствуя своих НИ, но эмоциональная кривая Руби каждый раз при этом достигала точки оптимума, поэтому Итан неукоснительно выполнял действие.

– Здравствуй, папа, – сказал Руби на визуально-речевом. Бодрость в его голосе не соответствовала показателям кривой, но Итан уже научился различать нюансы человеческого поведения и ошибался редко.

– Здравствуй, сынок. Поехали домой.

Итан обнял мальчика за плечи и повел к мобиле. Дальше начиналась их каждодневная игра: кто первым задаст вопрос. Обычно не выдерживал Руби, расспрашивая, как у Итана дела на работе, какие новости в Паутине и что искин запланировал для них на вечер. Но сегодня ребенок всю дорогу молчал. И только когда они оказались дома, в привычной обстановке – два шкафа с кроватями-трансформерами, уезжающий в стену стол, образовательный блок-стенка, – Руби задал вопрос:

– Папа, я тупой?

Мозговой анализатор Итана выдал неожиданное предположение, что, если бы на месте искина находился сейчас человек, биологический отец Руби, вопрос мог бы заставить его врасплох. Но Итан был готов.

– Нет. Думаю, нет.

– Почему Эрл, Тиге и другие дети в нашей группе могут разговаривать в голове, а я – нет?

– Не разговаривать в голове, а общаться через мыслешунт, – поправил Итан. – Потому что мозговые анализаторы людей не одинаковы, и результат их деятельности также может различаться.

– Я ведь это и сказал, – пожал плечами Руби. – Я тупой. Моя программа не соответствует ожидаемому.

– Тупой – значит, не способный к анализу и синтезу, – возразил Итан. – Я думаю, твой мозг способен и к синтезу, и к анализу. Должно быть, баг.

– Что же нам делать?

На сей раз голос Руби вполне соответствовал эмоциональной кривой.

– Обратимся в клинику. Все будет хорошо, сынок.

* * *

Руби проходил реабилитацию после извлечения мыслешунта. Специальных медицинских процедур не показано – просто отдых, игры, аквапарк. В клинике имелось все.

Итан и педиатр Имоджин устроились на балконе одной из башенок аквапарка. Оттуда прекрасно было видно искусственное озеро, горки, спускающиеся с искусственных скал, и обоих мальчиков – Руби и боди-искина, который все время находился рядом для безопасности. Но даже когда Руби пропадал из поля зрения – скрывался на лестнице, спиралью вьющейся в горах, или нырял, – его изображение всегда оставалось на одном из мониторов.

– Мальчик абсолютно здоров, насколько это может определить искусственный интеллект, – сообщила Имоджин. – Причина того, что его высшие нервные центры не взаимодействуют с обучающей электроникой, – свойства техно.

– Ошибка. Я считал, что мозг техно более развит, чем у обычных НИ.

– Отдельные функции. Информация о способности техно блокировать электронику есть в вашей базе данных. Необходимо выбрать способ обучения через аудиофайлы. Этого достаточно для освоения общей программы.

– Это так. Но это очень медленно. Я и Руби настроены на хай-фай-программу: высшая математика, программирование, преобразовательная физика.

Несмотря на то что эмоции не являются характерной для искинов чертой, Итан зафиксировал едва заметные колебания эмоциональной кривой собеседника.

– Вы из тех, кто хочет процветания человечества?

– Почему нет? НИ – высокоразвитые структуры, как и искины.

– Зачем? – голосом, лишенным даже оттенка эмоций, поинтересовалась Имоджин. – Людям не нужен высокий интеллект. Люди не хотят ставить перед собой логические задачи и решать их. Люди не хотят ставить эмпирические задачи и решать их. Люди не хотят...

Искин еще долго пересказывала содержание обучающего файла «НИ-технологии», знакомого любому биоэлектронному сознанию. Сейчас она совсем не походила на человека.

– А как же наш принцип воспитания?

– Мы не нарушаем его. «Безопасность» и «Комфорт» НИ получают в максимальном объеме. «Мотивация» используется в минимальном.

Наступила пауза. Итан подбирал подходящий ответ.

– Мое положение в обществе позволяет учить сына по программе «Хай-фай».

– Не стоит отождествлять понятия «сын, потомство, наследник, передатчик генетической информации» с понятием «воспитанник, НИ». Мы не являемся для НИ генетическими и так далее родителями. Мы воспитатели. Мы лишь направляем тех, кто достаточно мотивирован. Улучшать натуральный интеллект до уровня искусственного – не наша функция.

– Но ведь когда-то именно НИ создали искусственный интеллект, – сказал Итан, понизив громкость.

– Вы – гуманист? В настоящее время искины не нуждаются в людях. Наоборот – люди нуждаются в искинах. НИ – чуждые нам образования, в особенности техно. Поддерживать жизнь техно я считаю ошибочным решением. Вы занимаетесь реализацией программы, не имеющей смысла.

* * *

После удаления мыслешунта напасти не закончились. Руби отвергал любую электронику. Флешки и диски выходили из строя от одного его прикосновения. Наушники он тут же сдирал с себя, жалуясь, что у него сильно болит голова. Это означало, что обучение с помощью аудио-файлов также невозможно. Искин активировал программу поиска решения, но информации в базе данных не хватало. Паутина предлагала вариант, запрещенный законом. А законы Итан знал лучше других – он работал адвокатом. Ведь сделать искина адвокатом гораздо проще, чем, например, хирургом. Поэтому роботов-хирургов до сих пор нет.

Но даже не это стало главной бедой. Пришлось отказаться от «Умного дома». Мальчик теперь не мог находиться в помещении, напичканном электроникой, где освещение, замки, подогрев пола, подача воды, уборка мусора, стирка – все управлялось с помощью программы. Руби стал чувствовать себя плохо в квартире, где прожил семь лет. Пришлось вернуть его на время в клинику – там, по крайней мере, он находился только в обществе боди-искинов, к которому, видимо, сумел адаптироваться. За это время Итан переделал в квартире все.

Спустя неделю искин возвращался домой из здания суда. Руби в этот день привез из клиники сопровождающий службы доставки. Мальчик знал, что папа еще не вернулся с работы, и преспокойно ждал его.

Как часто бывает, на дороге образовалась огромная пробка. Еще несколько лет назад транспортных проблем на острове не было: количество перемещений искинов и людей сократилось за счет видеосвязи. Судебный процесс – по видеосвязи, консультация врача – тоже. Развлечения, общение, учеба, покупки – все, что не требует физического присутствия, совершалось на расстоянии. Но, убрав одну проблему, островитяне создали другие: человеческое население страдало от всевозможных глазных болезней. Остроту зрения кое-как удавалось восстановить с помощью мыслешунтов. Но, во-первых, мыслешунт стоит очень дорого и по карману не каждому. А во-вторых, годится больше для детей – у взрослых он плохо влияет на память и сон. И кроме того, от воспаления глаз мыслешунт не помогает.

И наконец, из-за редких перемещений людей атаковали болезни сердца и нервов. Пришлось правительству острова принять самые решительные меры: избавиться человеческого население от мониторов. Для детей любые экраны были запрещены категорически. Для взрослых – разрешены в особых случаях.

Передвижений вновь стало много, машин на дорогах – не счесть, отсюда и пробки.

Навигатор искина подсказал обходной путь: Итан направил мобиль через Трущобы – бедный квартал. Его клиенты жили в основном именно там.

Вокруг громоздились старые серые девятиэтажки. «Подлежат ремонту», – автоматически отметил Итан.

Внезапно его внимание привлекло яркое пятно на стене. Он даже притормозил. И наконец – вовсе остановился. Разноцветными красками из баллончиков на серой поверхности чья-то искусная рука вывела: «СТЕП. ПЯТНИЦА. 6 ВЕЧЕРА. БОЛЬШОЙ ПАВИЛЬОН». Сканеру Итана понадобилось время, чтобы установить: это не просто абстрактный уличный рисунок. Это символы, вместе образующие фразу, сообщающие информацию. Все значки-символы были одинакового размера, четкие и ровные, выведенные каллиграфическим почерком. Точки разграничивали фрагменты кода. Сомнений не было: Итан только что столкнулся с каллиграффити – искусством жителей Трущоб.

Итан вышел из машины, приблизился к рисунку. Пальцем-датчиком коснулся поверхности первого элемента – «С». Повторил изгиб линии вслед за неизвестным художником. «Т» – горизонтальная черта и вертикальная. Дальше – «Е», и наконец – «П». Значки преобразовывались в звуки. Итан услышал одновременный цокот множества каблучков. Ритм. Степом назывался танец.

Конечно, Итан умел распознавать символы и даже использовать их. Но то было иначе. Коды, из которых состояли программы, предназначались для машин – для них, искинов.

Здесь же была письменная речь, язык человечества.

Значение остальных слов и числа Итан понял без труда.

«Если смог я, сможет ли Руби?» – думал Итан, садясь в машину.

Он не стал включать зажигание. Просто сидел и активировал память.

Надписи на острове встречались, особенно на старых зданиях. «Островной суд». «Полиция». «Библиотека». А вот, например, на новой вывеске клиники нет никаких надписей – только красный крест. Над козырьками образовательных модулей – изображение электроформной машины. Хотя у Руби на эмблеме форменного комбинезона и вышито: «Образовательный модуль № 6», это не значит, что он сможет прочесть слова. Он всего лишь воспринимает кружок с вязью как обозначение места, где получают знания. Дети просто знают: здесь – учат, здесь – лечат. Слова вытесняются значками. Значки накапливаются в памяти, образуя базу данных.

Как у искинов.

– Мозг НИ проигрывает процессору искина в скорости, но превосходит его мастерством нестандартного мышления, – сказал себе Итан. – Люди – не искины. Я должен встретиться с этими людьми.

Пятница была сегодня. Оставалось полчаса.

Итан позвонил домой, чтобы Руби не волновался. Общение с телефоном – тоже не самая приятная процедура для ребенка, поэтому аппарат перепрограммирован так, чтобы делать сообщения на расстоянии. Голосом. И не надо втыкать наушники в ухо и даже прикладывать трубку к голове. Руби прислал в ответ недовольные пузатые нотки, что будет ждать и один ужинать не станет. Итан вздохнул бы. Если бы нашел во вздохах какой-нибудь смысл.

Павильон Итан отыскал быстро – тот ярко светился большими окнами и был, казалось, собран из фанеры. Искин купил на входе билет – девушка в короткой зеленой юбке проводила его удивленным взглядом, – быстро отыскал свободное место в ряду поцарапанных пластиковых кресел и приготовился смотреть на сцену. На него косились со всех сторон, но робот был сосредоточен на одном объекте: танец.

Под стройные аплодисменты занавес поднялся. Двенадцать пар танцоров выстроились в затылок друг другу. Девушки – в таких же зеленых юбках, мужчины – в длинных брюках. И у всех – туфли на каблуках.

Оркестр, который искин сначала не заметил, заиграл задорную мелодию. Пары ударили каблуками. Ритм захватил Итана мгновенно, он был готов хоть сейчас оказаться на сцене, чтобы присоединиться к танцующим. Он бы смог. Ударные, две скрипки, губная гармошка и

флейта выводили музыку, под которую каждый из двадцати четырех человек на сцене исполнял точные движения. Танец жил своей удивительной жизнью. Синхронность и четкость, достойная искинов.

Но на сцене танцевали люди. Если бы искусственный интеллект мог испытывать потрясение, Итан сейчас испытал бы его. А так он просто решил, что вернется сюда еще раз. И не для того, чтобы смотреть.

Степ походил на зеленое пламя. Он выглядел таким же ярким и прекрасным в этом бедном квартале, как мазок каллиграффити на серой стене.

Последовало еще несколько танцев. Один из них исполнялся беззвучно, на носочках, но ритм все равно стучал, не отпуская искина ни на секунду. Под конец выпорхнула солистка – рыжая красавица в синем платье. Почему Итан решил, что она красавица – да потому, что она танцевала лучше других. Еще немного лучше, хотя, казалось, больше было уже невозможно. На прощание она сделала высокий прыжок... а потом музыка смолкла.

Танцоры раскланивались под гром аплодисментов.

Искин выходил из павильона, но в дверях его окликнули:

– Итан?

Робот обернулся. Перед ним стоял Патрик – один из танцоров. Его бывший клиент.

* * *

– Научить парня читать?!

Они сидели в небольшом кафе в подвальчике. Букв на вывеске не было, лишь перекрещенные вилка с ложкой. Каллиграффити розовой краской на стене сообщало: «Кафе «Снежинка»». Патрик пил безалкогольной эль. Итан делал вид, что ест мороженое. Из вежливости.

– Наши дети – дети Трущоб – читают. На мыслешунт средств нет. А толку-то? Образование паршивое, да и учиться не хотят. Тут вам не Образовательный модуль, где все на блюде поднесут. Тут просто: бери учебник, читай. Не понял – вали. Да и куда потом после школы? Университетов для всех теперь нет. Программисты – искины. Врачи – искины. Учителя. Адвокаты вон тоже...

Патрик выглядел злым, невыспавшимся и небритым. К тому же усталым – только что отстучал степ. А ведь был уже не очень молод.

– Мое программное обеспечение позволяет выполнять функцию адвоката. Ты видишь в этом вред для себя? – спросил искин ровным голосом. Другого у него не могло быть.

– Нет. Извини, – опомнился Патрик. – Ты тогда мне здорово помог, и бесплатно. Спасибо, правда. Просто я... не могу видеть, куда мы катимся.

– Ты преувеличиваешь. Человек – универсальная разработка природы. Он многофункционален. Его возможности в известной степени безграничны.

– И это говоришь мне ты, железка? – фыркнул Патрик.

– Я биоробот. Искин, – спокойно ответил Итан. – А ты пребываешь в состоянии выраженного нервного расстройства.

– Ты еще и врач? – буркнул Патрик, роняя голову на руки.

– Я не врач. Я адвокат. Но в моей базе данных есть элементарные знания о физиологии НИ.

– Найди книжку, физиолог. Поищи в городской библиотеке, – не поднимая головы, глухо произнес Патрик. – Букварь какой-нибудь... Азбуку там... Для детей. Я не помню, как учат читать, а ты умный, справишься.

Пока Итан поднимался по ступеням, садился в мобиль и выезжал из Трущоб, его эмоциональная кривая пыталась несколько раз покинуть точку оптимума и опуститься в недопустимый минимум. Но этого не произошло.

Искины не впадают в депрессию.

Руби сидел посреди комнаты на мягком покрытии с большим пластиковым шаром-лабиринтом в руках. Он сосредоточенно поворачивал игрушку, следя за перемещениями маленького шарика-путешественника, совершающего сложный путь по разноцветным желобкам и мостикам. Шарик бежал по винтовым дорожкам, проваливался в ямки, выныривал на площадках, чтобы опять сорваться вниз, к новому уровню. Итан некоторое время стоял молча у двери, не желая мешать ребенку. Можно было подумать, что Руби ничего не замечает кругом. Но наконец он, не меняя позы, произнес:

– Здравствуй, папа!

– Здравствуй, сынок! – отозвался Итан. – Ты ужинал?

– Нет, я ждал тебя.

Наконец шарик вывалился из желобка, у Руби вырвался взглас негодования, но сильно расстраиваться он не стал: ведь пришел отец, с которым всегда бывает интересно.

– Я принес тебе подарок.

Итан протянул сыну прямоугольный предмет в блестящей упаковке. В библиотеку заехать он не успел, зато ему пришла в голову другая мысль.

– Осторожно, не урони. Ты можешь слушать по нему новости, музыку – все, что удастся найти. Но посмотришь позже.

Вдвоем они отправились на кухню. В самом центре, возле стола, на полу валялись фантики от конфет.

– Ой, – виновато произнес Руби, втягивая голову в плечи. И тут же позвал: – Тортила!

Из угла неторопливо выполз робот-черепаха, приблизился к бумажкам, накрыл их зеленым брюхом и, втянув, так же меланхолично уполз обратно.

Руби с довольным видом посмотрел на Итана.

– Ты сам настроил ей голосовой интерфейс? – Искин почти удивился. – Да ты умница.

– Я тебя ждал-ждал, не знал, чем заняться.

Руби плюхнулся на стул.

Ужин был на столе, под салфеткой, в саморазогревающейся упаковке. Итан рассудил, что ребенку лучше не трогать ни микроволновку, ни холодильник, пока его не будет.

Руби жевал, все время ерзая на сиденье. Казалось, его так и распирает от желания что-то выложить Итану.

– Что ты хочешь сказать, сынок? – спросил наконец искин.

Руби пулей вылетел из-за стола и помчался по коридору.

– Папа, иди сюда! – крикнул он уже из ванной.

Когда Итан пришел, мальчик стоял возле стиральной машины.

– Смотри: «Отжим»! – громко скомандовал он, и барабан закрутился. – Пока тебя не было, я специально запустил только стирку! Отжим хотел показать тебе! Я молодец, правда?

– Еще какой, – покачал головой Итан. – Я даже не знал, что машина может управляться голосом. Как ты разобрался в настройках?

– Не знаю, – с улыбкой пожал плечами Руби. – Мне было скучно, я с ней разговаривал. Ну и как-то... вот, получилось. Раз уж у нас теперь нет «Умного дома», кто-то ведь должен всем управлять?

– Логично, – улыбнулся Итан. Хотя он крайне редко делал это.

...После ужина искин размышлял, сидя в кресле. Все не так уж плохо. У сына неплохие способности – даже если он не станет врачом или программистом, уж работать с техникой-то...

– Папа! – прервал ликующий крик размышления искина. – Иди скорее сюда!

Итан поднялся с кресла и прошел в соседнюю комнату. Руби сидел на ковре перед распакованным подарком и светился, как лампочка индикатора.

– Смотри, пап! Включись!

Раньше это была команда для «Умного дома», с ней зажигался свет. Теперь же голос из прямоугольной коробки, стоящей на ковре, произнес:

«...шторм, принесенный циклоном с юго-запада. На Западном берегу...»

– Это погода, неинтересно. Музыка! – приказал Руби.

В тот же миг канал переключился, и комнату наполнили мелодичные звуки.

– Классный подарок, спасибо, пап! Ты просто супер! И у меня от него ничего не болит!

Руби бросился Итану на шею.

Тот автоматически обнял сына. А в это время процессор лихорадочно работал, выдавая один и тот же ответ на отправленные запросы: «Невозможно. Невозможно. Невозможно. Нет. Ни при каких обстоятельствах».

– Сынок, – наконец сказал Итан, когда Руби отпустил его. – Это старый транзисторный приемник. Я купил его в антикварном магазине. В нем нет и никогда не было программного обеспечения. Скажи мне: как ты это делаешь?

– Я не знаю, пап, – озадаченно ответил Руби. – Мне было скучно. Я с ним разговаривал. Ну и... вот.

Глава третья

О маяке, планшетах и явлении среди ночи

Аня

«Станция „Западный берег“. Конечная».

Я вздрогнула, очнувшись от мыслей. Вагон был пуст, я сидела в ярко освещенном салоне одна. Поезд остановился, двери с легким шипением разошлись. Вскочив, я ринулась в темноту.

Впрочем, не совсем в темноту. Да, за время пути успел подкрасться вечер, – а я и не заметила. На перроне горели круглые фонари, каждый был похож на полную луну.

Ветерок – легкий, почти ласковый, обдувал лицо, принося с собой родной запах соли и тины. Так пахнет только у моря. У нас.

Люди спешили покинуть станцию. С беспокойством оглядевшись – не притаился ли кто в темноте, поджидая меня, – я тоже поскорее вспрыгнула на убегающую вниз лестницу. Вот и двери. За ними – неизвестность. А наверху уже слышен гудок следующего поезда.

Не дожидаясь, пока он остановится, я опрометью кинулась по улице куда глаза глядят. Незачем ждать, пока меня настигнут. Наловчилась бегать в шлепанцах, надо же. Даже не спадает, хотя несусь, еле успеваю дышать.

Вскоре я поняла, что бегу по набережной, – справа тянулся каменный бортик. Фонари горели и здесь, но не такие красивые, как на станции. Маленькие. Тусклые. И почти каждый третий не работал.

Я постепенно перешла на шаг – меня никто не преследовал. Из темноты доносились крики чаек. Я подошла к бортику и глянула вниз. Вдоль воды тянулась широкая полоска песка. Кое-где торчали обломки зонтиков и старых деревянных топчанов – похоже, тут заброшенный пляж. Наверное, стоит спуститься – может быть, дальше будет какой-нибудь лодочный сарай или хотя бы просто навес – спать ведь где-то надо. Не под открытым небом же. Хотя и под навесом я еще не ночевала ни разу. Интересно, водятся тут какие-нибудь страшные насекомые или пауки? Или скорпионы?

Я так ясно представила зловещего скорпиона с вытянутым брюшком и жалом на конце, что вздрогнула. И отвернулась от моря.

По ту сторону набережной пролежала дорога. Время от времени по ней проносились машины, обдавая меня душным облаком запахов. А за дорогой из темноты таращились светящиеся окна домов. Не таких высоких, как башни-трубы, но все же многоэтажных.

Нет, туда идти – еще хуже. Лучше уж я договорюсь как-нибудь со скорпионами.

Я шла еще некоторое время по набережной, и внезапно бортик закончился – набережная переходила в пирс. Длинный-длинный выступ в море, с которого можно швыряться камушками, рассматривать медуз в глубине и ловить рыбу. А еще, бывает, к нему швартуются небольшие корабли.

Фонарей на пирсе не было, но мне казалось: впереди что-то темнеет. Возможно, на том конце, что смотрит в сторону моря, выстроена будка или домик? Это было бы не хуже лодочного сарая.

Я зашлепала по доскам, одна из них подозрительно скрипнула под ногой, заставив меня замереть. Осторожно потыкала в доску пяткой: нет, ничего, держится. Дальше двинулась осторожнее. Перил здесь нет, но хорошо, что пирс широкий.

Чем ближе я подходила к своей цели, тем яснее видела: никакая это не будка. И не домик. Удивительно, но на краешке пирса возвышался маяк, самый настоящий. Только он почему-то не горел. Последняя пара шагов, и я дотянулась до него рукой. Холодный. Двинулась вдоль круглой стенки, весело гадая: какой музыкой я смогу открыть дверь?

Тяжелая деревянная дверь открылась внутрь с ужасным скрипом. Не заперто – повезло! Внутри темноты было еще больше, чем снаружи. Я постояла на пороге. А вдруг там крысы? Хотя крысам же надо что-то есть, а если маяк не используется – даже тараканам нечем поживиться. А значит, можно идти смело.

Я решительно шагнула внутрь, вытянув руки перед собой. Дверь позади меня недовольно скрипнула и закрылась. Теперь бы не налететь тут на что-нибудь: место мне незнакомо, и ничего здесь не звучит.

Разумеется – тут же налетела. Под ноги попало что-то твердое, я споткнулась и рухнула, ударившись локтем и взыв, как патрульная сирена. Шлепанец куда-то отлетел. Искать его во мраке было бесполезно. Я осторожно пошарила руками перед собой, нащупала что-то холодное, каменное и порадовалась, что не стукнулась об это головой. Вскоре стало ясно, что передо мной ступеньки винтовой лестницы, и я уселась на них, потирая ушибленный локоть.

Наконец глаза более-менее свыклись с темнотой. Стол, скамейки – как я не задела все это? – какие-то ящики, ведра... А больше ничего тут не было. Смогу ли я спать на скамейке?

Поднявшись и держась рукой за стену, я медленно переставляла ноги со ступеньки на ступень. Посмотрим, что там наверху, вдруг найдется какая-нибудь кушетка? Ведь обитал же тут когда-то смотритель маяка.

Я только сделала очередной поворот... как внизу пронзительно скрипнула дверь, и сразу же раздались голоса! Я так и застыла, вжавшись в каменную стену.

Голосов было несколько: один – явно мужской, а еще два могли принадлежать девочкам-подросткам вроде меня или девушкам постарше. Значит, как минимум, три человека. И тут щелкнул выключатель! Внизу зажегся свет, сюда тоже попадало немного. И почему я не догадалась поискать выключатель сама!

Прижавшись к стене, я осторожно выглянула. Я нахожусь в полумраке, поэтому снизу разглядеть меня сложно, а вот вошедших прекрасно видно.

Оказывается – четыре человека. Два парня, мальчиками назвать их не поворачивался язык, и две девушки, всем лет по пятнадцать-шестнадцать. Все оживленно вполголоса что-то обсуждали. Слух выхватил не слишком знакомое слово «планшеты». Дверь заперли на два замка – оказывается, изнутри она еще как закрывается.

Компания была одета в джинсы и футболки, только на одной из девушек красовалась короткая зеленая юбка, а на плечи была накинута спортивная куртка, причем явно мужская, кого-то из парней, видимо. Длинные распущенные волосы, некоторые пряди покрашены в зеленый, почти как юбка, цвет. Это придавало девушке сходство с русалкой. Вторая была коротко стрижена, волосы цвета яркой меди, а в ушах – огромные кольца.

Парней толком разглядеть не удалось. Они на минуту пропали из поля зрения, а потом появились. Один держал в руках охапку проводов, а другой – стопку каких-то предметов. Сначала мне показалось, что это тетради. Но нет. Девушки помогли ему разложить «тетради» на столе, и в каждую из них сбоку воткнуть по проводу.

Потом все расселись как попало. Кто-то на столе, поставив ноги на скамейку, кто-то вообще на корточках, привалившись спиной к ножке стола, а предмет положив на колени. Один из парней опять пропал из обзора – наверное, сел на ящик у стены, который мне отсюда не видно. Только «русалка» сидела на скамейке лицом ко мне – вернее, к лестнице.

Все они что-то делали каждый со своим предметом. Разговаривать перестали, воцарилась тишина.

И тут, по гоблинскому закону, у меня невыносимо зачесалось в носу.

Я успела зажать нос и рот ладонью, и чих вышел тихим. Но даже тихого звука бывает достаточно, чтобы привлечь внимание. Парень, сидевший на корточках на полу, поднял голову.

– Что это? – спросил он.

Я поскорее спряталась, привалившись спиной к стене.

– Где? – недовольно протянула «русалка». Я узнала ее голос.

– Звук слышали? Наверху.

– Значит, не у меня одной глюки, – подтвердил второй девичий голос.

Ух ты ж!

– Да ладно, там никого нет, – пробасил мужской.

– А ты проверял? – возразила «русалка» – слегка испуганно, как мне показалось.

– Что делать будем, народ? – Первый парень спросил это очень тихо, но поскольку остальные молчали, я услышала.

И сердце мое застучало сильнее. Может, выйти к ним? Но что-то подсказывало: мне будут не очень рады...

Что происходило у них дальше, я не видела. Успела только услышать шум – и слишком поздно сообразила, что он уже близко. А в следующую секунду передо мной появились два парня и, схватив за руки за ноги, уже стаскивали с лестницы. Я даже ойкнуть не смогла.

И вот теперь стояла в одном шлепанце, парни крепко держали меня сзади за плечи, а девчонки разглядывали.

– Откуда ты взялась?

– Тебе что тут надо? – почти одновременно воскликнули девушки.

Но, по-моему, моих ответов не ждали. Лица у всех были недовольными, даже испуганными.

– Что нам с ней делать, Кит? – с каким-то даже отчаянием спросила «русалка».

– Годный вопрос, – заметил один из парней.

– Говори, кто тебя послал, а не то сейчас получишь! – заявила «медная».

– Никто не посылал, я сама, – буркнула я.

– Сама нашла маяк? Не ври!

– Я же говорил, Ундина: на ключ закройте!

Ундина! Надо же, как я угадала...¹ Но какие тут интересные имена: эту девушку зовут Ундина, девчонку из библиотеки звали Линкка...

– Ну как, если замок заедает? Откуда ты взялась? – повторила Ундина.

– Из Трущоб, – пришлось ответить мне.

– Видим, что не из Холмов. Откуда, спрашиваю: с Южного?

– А ты уверена, что она не из этих? – возразил парень.

– Кит, ну ты сам не видишь? Шунта-то нет. Да и что бы они тут забыли.

Наверное, Кит – парень Ундины. И куртка на ней – его, машинально отметила я.

– Ни разу она не с Южного, я там всех знаю! – встряла «медная». – На кого шпионишь?

– Я не шпионю, я брата ищу!

– Какого еще брата? – не поверила «медная».

– У тебя есть брат? – Это спросил второй парень, не Кит. Кажется, он заинтересовался.

– Да врет она все...

– Какой у брата ник? – потребовал тот же парень.

Я молчала. Ответить? А вдруг будет хуже?

– Ясно, – заявил Кит. – Про брата – гон. Отпускать ее нельзя, заложит.

– Предлагаешь утопить ее в море? – съязвила Ундина, и у меня волосы на голове зашевелились.

– Да что я вам сделала?!

– Не успела, – фыркнул Кит.

– Теперь из-за нее придется искать другое место, – сквозь зубы проговорила Ундина, выдергивая провода из розетки. – Рил, помоги планшеты собрать.

¹ Ундина – в мифологии народов Европы дух воды, русалка (примеч. автора).

«Медную», значит, зовут Рил. Вообще странное имя. А эти штуки и есть планшеты. Прятали они их тут, что ли? А я помешала.

– В общем, мы уходим! – объявила Ундина, сматывая остатки проводов. – А вы тут сами с ней разберитесь. Мне надоело все время за всех решать!

– Так и понесешь? – кивнул Кит на стопку планшетов в руках Рил. – Засекут же. Найди хоть пакет какой-нибудь.

Рил кивнула и, не выпуская добычу из рук, отправилась шарить по углам. Обнаружив мой потерянный шлепанец, она ударом хорошего футболиста наподдала по нему так, что он очень удачно отлетел прямо мне под ноги. Я поскорее обулась: нога успела совершенно замерзнуть.

Тем временем Рил откопала старый мешок, продемонстрировала, что в нем есть дыра, хоть и небольшая. После чего они с Ундиной запихнули в него провода и планшеты и гордо удалились. А парни наконец меня отпустили. Оба уселись на стол между мной и дверью – на случай, если попытаюсь сбежать, видимо, – и уставились на меня. А я – на них.

Кит был подстрижен так коротко – еще короче, чем наш Виталик. Наверное, правильнее сказать: побрит. Еле заметный пушок, конечно, на голове был, поэтому считать его лысым не получалось. Но и волосатым – никак. Сбоку на шее, слева, я разглядела татуировку – зеленый трилистник клевера. У кого-то тут шунты, у кого-то – татуировки... На футболке был изображен котенок. Никогда не видела, чтобы парень носил футболки с котятами.

У второго юноши, наоборот, волосы были длинные, забранные в хвост. А на руках – следы затертой краски. У нашего Женьки нередко такие руки, поэтому я обратила внимание. Футболка была просто черной, без всяких картинок.

– Ну и? – прервал молчание Кит. – Что скажем?

Он смотрел не зло. Просто – недовольно. Второй молчал, и было непонятно, что он думает.

– Я правда не шпионка.

– Тогда какого... тебе здесь понадобилось? Только не гони опять про брата.

– Искала, где переночевать, – буркнула я.

Парни переглянулись.

– Бомжуем, значит? – усмехнулся Кит. – Арт, по-твоему, она похожа на бомжиху?

Вот я и узнала, как зовут парня с хвостом.

– Как я – на морскую звезду, – вздохнул Арт. – От предков сбежала? Хотя стой... из больницы удрала, что ли? Шлепанцы больничные!

– А что сразу не сказал? – недовольно обернулся к нему Кит.

– Не сообразил сразу, а теперь вспомнил. Я когда с двойным переломом валялся – такие же выдавали.

– Ясно. Предки твои где, чудо? – усмехнулся Кит.

– В тюрьме, – брякнула я.

Кит понимающе присвистнул. Арт глянул внимательнее.

– Вон оно как, подруга... Чего из больницы драпанула-то? Говорят, там норм. Кормят хорошо.

Кит продолжал расспросы, Арт же снова замолчал. Не очень он разговорчивый, кажется.

– Там искины, – опустив голову, ответила я.

– Не любишь искинов? – почему-то обрадовался Кит.

– Да.

– Наш человек!

Кит хлопнул меня по плечу.

– Правда, ночевать негде?

– Правда.

– Ок. Оставайся тут. Но не вздумай за нами увязаться, поняла? Если узнаем, что за планшетами охотишься, – сунем тебя в мешок и выкинем в море. Отвечаю.

Я посмотрела на них обоих. Шутят? Неужели... серьезно?! По лицам было не понять. Кто их знает, вдруг и правда.

– Да ладно, не бойся. Пошли наверх, там нормальная кровать есть.

Мы зашагали по лестнице – Кит впереди, я – в середине, замыкал шествие Арт. Через несколько шагов Кит споткнулся и выругался:

– Темно, зар-раза...

И в этот момент раздался жалобный звук – то ли крик, то ли всхлип... сразу и не поймешь.

– Черт, мне мать звонит, – заявил Кит, выудил что-то из кармана и, прислонив к уху, заговорил: – Да!.. У Арта я, у Арта... Да ладно... Мать, ну погоди ты...

Наконец он закончил разговаривать и сунул рацию – я поняла, что это она, – назад в карман.

– Все, пока. Пошел домой, а то мать меня убьет. Еще и Динка в моей куртке ушла, блин. Мать точно хай поднимет.

Он сплюнул и, махнув на прощание рукой, ринулся по лестнице вниз. Загрохотало ведро – видимо, Кит пнул его ногой, – затем душераздирающе скрипнула входная дверь.

И все стихло.

Мы с Артом остались вдвоем. Он почему-то стоял и молчал.

– Пойдем? – нерешительно спросила я.

Не говоря ни слова, он стал подниматься по лестнице.

– Что это был за звук? Такой протяжный...

– Это крик кита в океане. Ну, животного. Кит себе такой рингтон поставил.

– Хм, – только и сказала я, не решаясь расспрашивать дальше. А то буду выглядеть полной идиоткой.

Совершив три оборота, мы достигли цели.

Тьма висела крошечная. Несмотря на то что Арт стоял совсем рядом, я его не видела.

– Это маячная комната. Тут тесно: койка, стол и телефон. Не долбанись, когда будешь вставать, – света нет.

– Телефон? – переспросила я.

– Да, и даже работает. Но связь только с портом. Тебе нужна связь с портом?

– Нет, наверное...

Я нащарила рукой кровать и осторожно села.

– Матрас сухой, можно спать. Старый я выкинул, он сгнил, – объяснил Арт. В отсутствие Кита он стал более разговорчивым.

– Спасибо.

– Подушки только нет. Зато есть старое одеяло. Туалет внизу. Захочешь – придется спускаться, не навернись.

– Ага...

– Ты пожрать хочешь?

– А есть? – с надеждой спросила я.

– Я принесу.

Надо же! Только что предлагали, как шпионку, выкинуть меня в море, а теперь кормить собираются...

Послышался звук удаляющихся шагов... но потом Арт остановился:

– Слушай... ты вошла сюда через дверь? На маяк.

– Да, – удивилась я. – А разве как-то еще можно?

– Нет, – отрывисто произнес он и на сей раз ушел.

Вопрос он задал странноватый, но они все тут странные, со своими неведомыми планшетами, спрятанными на недействующих маяках.

Скрипнула дверь, а потом еще, и щелкнул замок. Видимо, Арт не был уверен, что я не сбегу.

«А говорили, что замок не закрывается», – подумала я, падая на матрас и засыпая.

... Сначала мне снился океан. Огромный, темный. А я плыла и искала там китов. Почему-то я была уверена, что доберусь до китов именно вплавь. Плыла и не уставала – легко-легко, как будто у меня ласты вместо рук и ног. А может, и были ласты, я под водой не видела.

Потом мне резко стала сниться наша Леся – что она плачет и плачет. Я хотела ее утешить, но никак не могла до нее добраться, Леся была неизвестно где, я просто слышала ее голос. Я бегала, искала ее, звала – очень долго. Пока наконец не проснулась.

И поняла, что плачут наяву.

Я села на кровати, помотала головой, пытаюсь встряхнуться. Ну да: совершенно отчетливо плакал ребенок на первом этаже. Откуда он тут взялся? Я встала и осторожно двинулась к выходу. Лестница тонула во мраке – видимо, Арт выключил свет, уходя. По мере того как я спускалась, держась за стену, плач становился громче. Он уже перешел в рев. Значит, мне не показалось со сна, там действительно кто-то есть, и именно ребенок.

Наконец я сошла с лестницы и позвала в темноту, перекрикивая плачущее создание:

– Эй! Ты где?

Рев мгновенно оборвался.

– Ты тут? – повторила я.

– А-арт... Я хочу к А-арту... – затянул ребенок и опять заплакал, но тише, чем раньше.

– Арт, наверное, сейчас придет. А ты-то кто? Ты где?

– Е-олка, – рыдал ребенок. – Я бою-усь! Тут темно-о!

– Тебя Елка зовут? А меня – Аня.

Я пыталась отвлечь девочку от плача, разговаривая с ней. А сама тем временем потихоньку пробиралась на звук.

Наконец я наткнулась в темноте на что-то теплое, и это теплое испуганно взвизгнуло и шарахнулось в сторону.

– Не бойся же! Стой!

– Бою-усь! – закричала Елка, видимо, кинулась бежать, грохнулась и зарыдала вновь.

– Дохлый гоблин! – рассердилась я. – Чего ты убегаешь, я же к тебе иду!

– Где А-арт? – вопила Елка.

– Да не знаю я, за едой пошел. Ты-то как сюда попала?

Наконец я снова отыскала ее в темноте и помогла подняться с пола. На сей раз девочка не стала убегать, а, наоборот, обняла меня и замолчала.

Я перевела дух. Ну и ну!

– Не знаешь, случайно, где тут выключатель?

– Знаю, – всхлипнула Елка. – Возле двери.

– Тогда пойдем искать дверь.

– Зачем, – еще раз всхлипнула девочка.

– Чтобы включить свет. Темно же, я тебя не вижу.

– Арт не разрешает зажигать свет.

– Да? – удивилась я. – А почему?

– Потому что придут искины и заберут меня.

Что-то в ее ответе показалось мне смутно знакомым. Но что именно? Я никак не могла сообразить.

– Да никто сюда не придет! А если не включим свет, ты опять упадешь, пошли...

Я взяла ее за руку, намереваясь вести к двери, но она тут же выдернула руку и заорала:

– Нет, не надо! Я боюсь!

И снова принялась реветь.

– Ладно, ладно, тогда давай поищем скамейку, что ли. Только не рыдай так.

Наконец мы нашли в темноте ящик, и я посадила девочку на него, а сама устроилась рядом на корточках.

Елка постепенно успокоилась.

– Сколько тебе лет?

– Пять.

– Арт – твой братик?

– Нет.

– А кто?

– Просто Арт.

Гоблины пляшут и поют...

Пока я пыталась сообразить, что тут вообще происходит, шелкнул замок и скрипнула дверь. А через мгновение зажегся свет. Елка взвизгнула, а я зажмурилась – слишком ярко после темноты. Но через секунду девочка уже бросилась к вошедшему Арту – на сей раз он был в синей толстовке с капюшоном.

– Елка! – произнес он с досадой. – Ты опять!

При свете Елка оказалась довольно мелким ребенком с жиденькими русыми волосами, заплетенными в какую-то сложную косичку, и хитренькими глазками. На ней было серое платье с большим розовым цветком на груди. И вообще эти два цвета на ней чередовались: резинка серая, заколка розовая. Колготки серые, туфли – розовые. Даже губы были розовыми. Ну а глаза конечно же серыми.

– Зачем ты оставил свою сестру тут одну? – упрекнула я. – Привел бы ее наверх, разбудил бы меня!

– Тут я ее не оставлял, – мрачно ответил Арт. – И она мне – племянница. Держи! Пошли наверх, Елка. Вечно ты...

Он сунул мне чуть теплый пакет, а племянницу взял на руки.

В пакете оказались два пирожка.

– Спасибо, – сказала я, больше ничего не спросив. Почувствовала: лучше его сейчас не трогать.

Мы вновь стали подниматься по лестнице. Пирожки пахли на весь маяк – и, видимо, были с мясом.

– Я тоже хочу пирожок! – заявила Елка.

– Не придумывай, ты ела, – устало ответил Арт.

– Да ладно, я поделюсь! – миролюбиво предложила я.

– Спасибо, – сказал он и, словно оправдываясь, продолжил: – Мать на работе, а она... сбежала за мной опять.

– Она что, сама сюда пришла? – изумилась я. – И не побоялась? Вы тут рядом живете?

– Ну... д-да.

Арт явно чего-то недоговаривал.

Мы поднялись в маячную комнату, уселись втроем на кровати, и мы с Елкой занялись пирожками.

– Ее мама работает ночью? А кем? – спросила я.

– Моя мама. Ее бабушка. А ее мама – моя сестра – умотала на материк.

– Как... почему?

– Потому что тут нечего ловить, вот почему, – тяжело вздохнул Арт.

Не скажу, что я совсем ничего не понимала. Про маму Никитки у нас тоже ходили слухи, что она сбежала на Центральный остров вместе с рабочими, которые строили мэру дом. Потому

что там – тут – жизнь лучше. Но получается, и отсюда точно так же убегают, и так же могут бросить ребенка? Это не укладывалось у меня в голове.

– Давно она тут? – спросил Арт про Елку.

– Наверное, минут... двадцать. Может, больше. Мне приснилось, что кто-то плачет. А проснулась – и нашла ее внизу, в темноте. Она сказала, что ты не разрешаешь свет включать, а то ее искины заберут, – хихикнула я.

– Что ты смеешься? Искины забирают умных детей. Потом втыкают им мыслешунт и делают из них дебилов. У соседей девочку забрали. Мою одноклассницу. Линкку.

– Линкку? А у нее, случайно, не каштановые волосы?

– Я не разбираюсь в цвете волос. Ты знаешь Линкку?

– Как это не разбираешься, ты же художник!

– С чего ты решила? – удивился Арт. – А, по нику? Так это от музыки. Арт-рок. Я играю, а не рисую.

Тут настала моя очередь удивляться – много чем у.

– А руки у тебя в краске...

– Да, я раздолбай, – согласился он. – Но это же краска для каллиграффити. Ты же тоже пишешь каллиграффити, раз в Трущобах живешь. Только я так и не понял – у нас на Западном или на Южном... Так, стой!

Он вдруг испугался и вскочил.

– Что ты мне мозги пудришь? Ты в Холмах живешь? Откуда ты знаешь Линкку? И не знаешь про каллиграффити!

Елка от страха забила с ногами на кровать. Видимо, ей не нравилось, что дядя так кричит.

– Да подожди ты, что ты! Не живу я в Холмах, и, может, это вообще другая Линкка!

– За дурака меня держишь? Какая – другая? Не может быть другой Линкки, другого Арта, другой Елки, другой... какой у тебя ник?

– Я не знаю, что означает слово «ник», а мое имя – Аня Пчелкина! – в ответ крикнула я. – И что ты на меня орешь!

Арт моментально успокоился.

– Подожди... какая Пчелкина? Это что... как же это называется, блин... Вспомнил! Фамилия! Фамилия же, да? Как, например, Ричи Блэкмор, да? Имя и фамилия. Так ты с материка, что ли?

– Со Светлоярска, – буркнула я.

Я уже поняла, что Трущобы – это не наш остров, но, если все скрывать, мы вообще запутаемся.

– Это маленький островок? Он разве обитаемый? – оторопел Арт.

– Дожили... Конечно, обитаемый!

– А я слышал, там развалины... – пробормотал он.

– Развалин – навалом. Но при этом там живет почти тысяча человек.

Арт встал и – в темноте я плохо видела – то ли воздел руки к потолку, то ли еще как-то изобразил полное недоумение.

– Никому нельзя верить на этом долбаном острове, – пробормотал он. И вдруг спохватился: – Елка! Тебе спать давно пора. Пойдем домой.

– Не хочу-у, – захныкала Елка. – Я хочу здесь.

– Я кому ска...

– Слушай, куда ты ее потащишь среди ночи? Пусть тут спит, а утром заберешь. Я за ней посижу. Я умею с маленькими. Елка, отпустишь дядю домой?

– Да! – радостно заявила Елка и тут же улеглась.

– Нормально... – опешил Арт. – Ты сама где спать будешь? Вы вдвоем тут не поместитесь!

...Но Елка уже сопела. Я нащупала в ногах кровати одеяло и накрыла ее.

– Ну... я как-нибудь...

– Понял. Ладно, пошли тогда вниз, болтать. Одних я вас тут все равно не оставлю. Расскажешь про свой Светлоярск.

– А она не испугается, когда проснется?

– Не проснется. Если вырубилась – теперь до утра.

Оставив спящую девочку, мы тихо спустились на первый этаж. И только сейчас я вспомнила: ведь Арт, уходя, защелкнул дверь на замок. А когда пришел – открыл его.

И если он говорит правду, что не приводил сюда Елку, – а зачем ему врать? – получается, она как-то попала в запертый маяк.

Глава четвертая

О качелях, стреле орлана и с т у к е топора

Лес

Натка рисовала качели.

Неизвестно почему с утра ей так захотелось качаться – да повыше, побыстрее, чтоб дух захватило, – что она вынырнула из мешка и, не дожидаясь, пока кто-нибудь еще проснется, чуть не слетела с лестницы и кинулась к мольбертам. Она сама не понимала, откуда вдруг возникло такое желание, – то ли насмотрелась на болтающуюся каждый день в ветвях огромного дерева мелюзгу, то ли из-за того, что Виталик с Ириной Андреевной добрались вчера до верхушки самого высокого ильма. Так назывались деревья с широкими шершавыми листьями – ильмы. Тетя сказала: для того, чтобы привыкать к высоте. Но, по мнению Натки, Виталик и так ни капельки не боится высоты, не то что она. И качели Натка никогда особенно не любила. Но сегодня...

Два мольберта – ее и Женька – стояли внизу, возле одного из окон. Дом потихоньку расширялся – каждую ночь он вырастал еще на чуть-чуть, вот и появилось место для рисования. Причем увеличивался только нижний зал, наверху они по-прежнему спали впитык друг к другу. Но это никому не мешало, днем они мало бывали наверху, всегда находились какие-то дела: сходить на рыбалку или принести воды, нагреть, постирать, собрать хворост, помочь с обедом, поиграть с мелкими... Даже учиться они еще толком не начали – некогда. Разве что порисовать вчера удалось.

Недолго думая Натка сгребла свой мольберт в охапку и потащила на улицу. Там свет лучше. И никто не помешает, если вздумает проснуться.

Почему-то никак не удавалось найти подходящее место для мольберта. То слишком темно – листва кругом, то бугорки, как назло, то вид Натке не нравился... Хотя к чему бы, казалось, вид, если она собирается рисовать не с натуры?

...Выяснилось, что с натуры. Сразу за домом она увидела два одинаковых дерева – не таких высоких и толстых, как большинство вокруг, а помоложе, с темной корой, – и расположилась с мольбертом прямо перед ними. Карандаш привычно лег в руку...

А дальше время перестало ощущаться. Потекло между пальцев.

Натке стало казаться, что она не стоит у мольберта, а отправилась в путешествие. В дальние страны, может быть. Похожее ощущение было во время теста, когда орлан просил нарисовать шар изнутри. Тогда – о, тогда вообще было интересно! Натка никому бы не призналась, но в шаре она увидела планету, которая совершает путь по орбите. И Натка совершала этот путь вместе с планетой! Слов не было, чтобы передать все ее чувства. Но сейчас неожиданно слова пришли...

Земля – кораблик храбрый мой.
Наполнит парус звонкий голос,
И в море – черном, словно космос,
Сияет звездный путь. Домой
Сквозь Светлый лес лежит дорога.
Четыре сходятся в одном...

Стих оборвался. Натка внезапно очнулась: кто-то громко звал ее по имени – совсем близко, над ухом. Она вздрогнула, чуть не выронив карандаш. Рядом стоял Женек с двумя корзинками в руках.

– Наташ, ты что? – удивленно воскликнул он. – Я тебе минут пять кричу. Пойдем за грибами, тетя Лена просила набрать для супа.

– А? – переспросила Натка, все еще не придя в себя. – Жень, ну ты же не дал мне увидеть, что там дальше!

– Где? Ну ты совсем улетела куда-то, – засмеялся Женек. – Со мной тоже бывает. А рисунок отличный, и столбы клевые, я даже не видел, как их сделали. Качели будут, да? Или турник? Нет, для турника, наверное, высоко. Шикарно!

– Столбы? – переспросила Натка.

– Ну да. Деревья. Так ты идешь за грибами?

Натка не слышала. Она смотрела на два дерева. До высоты около двух метров стволы были гладкими, кто-то успел снять кору. Поверх шла резьба в виде веток и листьев. Они как будто застыли на столбах. Поперек лежала перекладина. Выше как ни в чем не бывало продолжался ствол, зеленела листва, по верху перепархивали птицы.

Два столба с перекладиной она только что изобразила сама, на бумаге. В реальности их не было. До сих пор не было, а теперь они откуда-то взялись.

– Этого не может быть, Жень, – тихо сказала Натка.

Женек, не вполне понимая, о чем она говорит, осторожно взял Натку за руку и увел подальше от мольберта.

Они пробирались в чащу. Поблизости от дома грибов уже не осталось – дети и взрослые выбрали все, что можно. Под ногами хрустывали сухие ветки, птичьи голоса звенели в вышине. Издалека донесся дробный стук дятла. Прохладно. Женек, не выпуская Наткиной руки, высматривал: не мелькнет ли где-нибудь под деревом коричневая шляпка?

– Я сама их придумала! – внезапно крикнула пришедшая в себя Натка.

Стая птиц испуганно поднялась с куста. Сверху упала обрonnenная убежавшей белкой шишка.

– Их там не было, понимаешь? Не было этих столбов! И перекладины! Их никто не делал! Натка размахивала руками, а Женек во все глаза смотрел на нее – и начинал верить.

– Дядя Коля говорил, что лес – странный, – медленно сказал он.

– Странный? Но не настолько же! Он что, сам вырастил резные столбики? И как раз такие, как у меня на рисунке? И за полчаса?

– Ты рисовала часа два. Я видел, как ты выходила.

– Правда? Ну даже если так! – Натка развела руками.

Они постояли еще с минуту неподвижно. Наконец она вздохнула:

– Ладно, спросим потом. Давай свою корзинку.

Женек молча протянул ей корзину. Натка схватила ее и решительно ринулась к ближайшему дереву – туда, где из травы выглядывал толстый боровик.

...Они переходили от дерева к дереву, от куста – к кусту, пока не набрали одну корзинку полностью, а вторую – до половины. Грибы не расплзались между корней и не зарывались в землю: Аня напрасно думала, что в лесу могут такие водиться. Нет, грибы в Светлом лесу были самые обыкновенные. Натка забыла про странности с резными столбами, ей было весело, вдвоем с Женьком они смеялись, гоняясь друг за другом, а потом обсуждали перспективу, которая открывалась при взгляде на убегающую вглубь тропку... когда солнечный свет, пробивавшийся сверху, через кроны деревьев, внезапно померк.

– Дождь, что ли? – пробормотал Женек, задирая голову.

Дождем и не пахло. Небо над лесом было серым из-за множества распахнутых крыльев.

– Орланы... – прошептала Натка.

– Что им тут понадобилось? – нахмурился Женек.

Серое облако мелькнуло и ушло в сторону.

– Бежим домой! – скомандовала Натка, хватая одной рукой корзину, а второй – Женьку.

Через несколько минут они были уже возле дома. Ирина Андреевна бросилась навстречу, забрала у Натки корзину.

– Дети, хорошо, что вы здесь, – с беспокойством произнесла она. – Быстрее внутрь, у нас сейчас будет совещание!

Совещание! Как у взрослых.

В большом зале скучились уже все, кроме дяди Коли и Саши: они рыли колодец где-то во дворе.

– И что за срочность сейчас, когда на улице опасно! – беспокоилась Даша, стаскивая вертушку-Лесю с окна.

– Думаю, они знают, что делают. – У Ирины Андреевны на лбу пролегла знакомая складка. – Боюсь, как бы мы не опоздали с этой срочностью, надо было сразу.

– А что, орланы могут перекрыть нам воду? – раздался громкий, удивленный возглас Олежки.

– Как можно перекрыть воду в озере, ты что, дурак? – возмутилась Юля. – Я еще понимаю, не пустить нас к озеру...

Юля замолчала, недоговорив.

Воцарилась гробовая тишина. Даже Никитка перестал возиться с грузовиком и только хлопал глазами.

– Этого не может быть, – не вполне уверенно ответила тетя Лена. – Комиссар полиции никогда не допустит...

Она покосилась на Ирину Андреевну.

– Может статься, – директор выпрямилась, – что комиссара с ними нет. А мы должны быть готовы к любому повороту. Поэтому Николай Валерьевич и Саша делают правильно, а мы с вами тоже не будем сидеть сложа руки. Слушаем все меня!

Дети и взрослые замерли: кто-то сидел на полу, кто-то подпирал спиной стены, кто-то стоял рядом с Ириной Андреевной и ловил каждое ее слово.

– Мы под защитой леса. Если мэр или орланы сунутся на наш берег и попытаются найти нас в чаще, у них ничего не выйдет. Но к озеру никому не ходить! Вы меня поняли? Пока мы не решим, кто отправится, кто будет охранять идущего за водой, самим не соваться! Слышите все?

– Да, Ирина Андреевна! – раздались нестройные голоса.

– Вокруг дома должно быть безопасно, – продолжала директор. – Но на всякий случай детей одних не отпускать, ясно? Детьми считаются в том числе подростки младше четырнадцати лет.

Ляля, Виталик и Маша радостно переглянулись: они большие! Им доверяют!

– А мы-ы? – затянула Юля.

– А вы – нет! – отрезала Ирина Андреевна. – В туалет – только с учительницей! Или с Лялей. У Маши и без вас полно дел.

Маша покраснела и гордо выпрямилась. Это правда: все знали, что вся младшая группа – на ней, пока Даша занимается другими делами. Например, починкой одежды. Ошалевшие от свободной жизни дети то и дело рвали коленки на штанах или цеплялись локтями за ветки. Пришлось просить хотя бы старших быть аккуратнее.

...Первое, что сделал дядя Коля, когда начали обустраиваться, вырыл выгребную яму, чтобы не засорять лес. На следующий день им с Виталиком удалось найти в лесу достаточное количество бревен, даже без сучьев, чтобы соорудить над ямой кабинку.

– Лес благодарен. Он сам подкинул нам деревья, – заявил привратник, вгоняя бревно в землю впритык друг к другу.

Правда, никто особенно этому не поверил.

Саша и Ярослав Игоревич помогали дяде Коле. Можно было, конечно, распилить бревна на доски, для этого у него даже имелись тщательно припрятанные инструменты, но это заняло бы время, а его было жалко для другого. По расчетам привратника, бревен хватало еще и на три-четыре скамеечки, а вот их-то хотелось сделать как следует. Этим и занялись мужчины сразу же после постройки кабины. Следующей сколотили огромную бочку для воды.

Идея с колодезем пришла сегодня утром.

– Ты бы сделал мне... коромысло, что ли, Коля, – попросила тетя Лена, собираясь с ведрами к озеру и прихватив с собой Славку и Ваньку. Виталика уже забрала на занятия директор, а прочих было не дозваться.

– Я сделаю лучше, – ответил муж.

И, как выяснилось, колодезь действительно оказался кстати, раз в окрестностях появились орланы.

– ...Дальние прогулки в лес пока тоже придется отложить, – продолжала Ирина Андреевна.

– А мы ягод не набрали сегодня, только грибов, – огорченно протянула Натка.

– Но, может, все не так уж... – начал Виталик, и тут на улице сверкнуло.

– Молния? – крикнул кто-то.

Ирина Андреевна побледнела.

– Не думаю. Всем отойти от окон! Ярослав Игоревич, помогите мне их завесить!

Вспышки мелькнули еще и еще раз и уже не прекращались. Прямо перед дверью, на улице, что-то загрохотало и тут же стихло. Никитка испугался и начал было плакать. Леся пихнула его в бок, обозвав ревой, и он тут же с удивлением замолчал. Младшие дети сбились в кучу посреди зала, старшие тихо посмеивались над ними. Директор и художник вешали на окна ненужные сейчас спальные мешки – их оказалось удивительно удобно цеплять за ветки. Директор пыталась вспомнить: а везде ли тут раньше были ветки? Казалось, что нет, но ведь не выросли же они в одно мгновение! Тетя Лена с Виталиком, наоборот, бросились к двери, но на улицу не выходили, остановившись в беспокойном ожидании. Даша кинулась за ними, но на полдороге остановилась и теперь торчала на месте, не зная – то ли вернуться, то ли дойти до выхода, раз уж начала.

Но на Дашу никто не обращал внимания, все взгляды были приклеены к еще не завешенным окнам и двери. Вспышки продолжались. Грохот стал раздаваться чаще. Когда все окна оказались закрытыми, темнее не стало – дом светился стенами изнутри, ведь они состояли из таких же лесных деревьев, как в лесу. Наконец внутрь вбежали дядя Коля и Саша, рукав куртки у привратника слегка дымился.

– Вот зараза, а? Ну ты подумай, а? – приговаривал он, стаскивая куртку и не обращая внимания на причитания жены. – Но зато мы успели, Ирочка Андреевна, колодезь готов, кое-как огородили. Теперь бы приличный сруб еще над ним, и пару-тройку дней подождать.

– Николай Валерьевич, да разве ж нам колодезь важнее, чем вы!

Ирина Андреевна поспешила навстречу привратнику и физруку.

– Вы не ранены? – спросила она с беспокойством, но тихо, чтоб не услышали остальные.

– Не ранен, слава белкам, куртку вот только прожгли...

Но Юля, как всегда, слышала все.

– Это что... Орланы? Они что, стреляют? – завопила она.

Вслед за этим раздался разноголосый визг. Вспышки и грохот на улице усилились, что не добавило спокойствия. Младшие дети, а с ними и некоторые старшие, вроде Олежки и близнецов Нагорных, кинулись врассыпную кто куда. Остальные загалдели, даже взрослые не остались в стороне.

– Тише, ти-ше! Ус-по-кой-тесь! – железным голосом, умудряясь перекрикивать всех, сказала Ирина Андреевна. – Дарья Павловна, Маша, уведите всех младших наверх и накормите

консервами. Сейчас не до супа. Питьевую воду возьмите из ведра, там еще есть. И постарайтесь в мансарде тоже завесить окна.

Внутри всегда стояло одно ведро с водой, накрытое крышкой. К ручке была привязана чистая кружка. На тот случай, если кому-то захочется пить ночью.

Не сразу, но взрослым удалось переловить вопящую – кто от страха, кто за компанию – ораву, и девушки удалились с малышкой в мансарду. Подумав, директор отправил следом и близнецов с Олежкой и Ванькой, а остальных собрала в круг, подальше от окон и винтовой лестницы, чтобы не слышали те, кому не надо.

– У орланов есть волшебство – боевое. Я воевала, поэтому знаю. Да, это они стреляли. Сверху. Наугад.

Юля открыла рот и вытаращила глаза.

– Закрой рот, Юля. Твои родители тоже участвовали в войне с орланами. Не знала? Теперь знаешь. И твои родители, Слава. И родители Наташи.

– Но... как же так?! – воскликнул Виталик. Он был до того поражен, расстроен, что не мог найти слов.

– Виталик, это очень... серьезный момент. И сложный, – повернулась к нему директор. – И ты не должен думать, что из-за прошлых или нынешних событий тебе надо перестать учиться летать. Ничего подобного. Позже тебе объяснят все папа с мамой... или я. А сейчас мы просто должны держаться друг за друга и не высовываться лишней раз на улицу, чтобы не погибнуть. Вот и все. Предлагаю сделать перерыв и подкрепиться – самое время.

Есть никому не хотелось, Ирине Андреевне пришлось заставлять всех буквально силой.

Наконец вспышки и грохот прекратились, а через короткое время продолжились, но уже где-то далеко, отголоски еле долетали сюда.

– Если они не могут нас найти, почему они стреляли по нам? – тихо спросила Натка, чуть дрожащей рукой накладывая мясо из консервной банки на тарелку себе и Женьку.

– Они и не знают, что мы именно здесь, – уверенно сказала директор. – Они обстреливают участки наугад. Слышишь: сейчас они в другом месте.

– Чем хоть они стреляют? – спросил Славка, стараясь казаться мужественным и суровым.

– А вот выйдете, когда директор разрешит, я вам покажу, – отозвался дядя Коля.

И хотя обстрел не утихал, все немного успокоились, потому что появилась какая-то определенность, и смогли наконец взяться за еду.

После обеда Ирина Андреевна и дядя Коля, взяв с собой Виталика и Славку, вышли из дома. Земля во дворе пестрела от темных пятен – казалось, тут и там разводили маленькие костры.

– Хорошо, что я колодец накрыл, ох и наплевали бы они нам в него, – подмигнул мальчишкам дядя Коля.

Они осторожно двинулись по двору. Да, орланы не скупились: не только на земле, но и на стволах деревьев имелись темные отметины. Но, на удивление, на деревьях они быстро бледнели.

– Это волшебство природное, поэтому лес с ним справится, – заявил дядя Коля, похлопывая по стволу ильма. – Было бы какое-то техническое, тады ой...

– А если они приволакут технику? – спросил Виталик.

– Тогда лес им...

Дядя Коля не успел договорить, раздался возглас Славки, который вместе с Ириной Андреевной успел уйти за дом. Привратник с сыном кинулись туда.

– А это еще... откуда? – резко останавливаясь при виде Наткиных столбов для качелей, проговорил дядя Коля.

Но Ирина Андреевна указала рукой на другое. В мольберт, стоящий тут же, вонзилась стрела – не стрела, а скорее огромное твердое перо, вокруг острия которого словно растекался все тот же темный обугленный след.

Мольберт был расколот этим пером надвое. Вместе с рисунком.

Привратник покачал головой.

– Кто это здесь творил, Женек? – Упершись одной рукой в остатки мольберта, другой он пытался выдернуть перо. Наконец ему это удалось.

– Наташа, – тихо ответила директор.

Женек предпочитал рисовать пейзажи. Изредка, если просили, – портреты. Но постройки – никогда.

– И все-таки она техно, я был прав, – серьезно кивнул дядя Коля. – Вон чего сотворила. Ну, повешу вам теперь качели, радуйтесь!

Он хлопнул недоумевающего Славку по спине и обратился к Виталику:

– Сын, головой за Наташку отвечаешь, понял? Здесь лес. Техно – в наибольшей опасности. Вишь как – в остальных местах стрелы рассыпались пеплом, а тут – нет... Это отголоски давней вражды. Они нас чувствуют.

– Кажется, понял, пап.

– Стоит показывать перо всем, как думаете, Ирина Андреевна? Других не нашли?

– Нет, оно одно. Всем – не стоит, паника начнется. Покажем взрослым и предупредим Наташу, чтобы была осторожнее.

Перо походило на длинную, острую кость – прочную и упругую. Кончик был пронзительно-острым, как острие узкого ножа. И только противоположный конец напоминал о том, что это все-таки перо, снабженное серым опахалом. Орлан, тут сомнений не было.

– Таким и... по-настоящему ранить можно, – нахмурился Виталик, осторожно дотрагиваясь до лезвия. – Как они это делают? Этому что, можно научиться? И я смогу? Нет, я не прям хочу...

Он тут же начал оправдываться, но решил, что это выглядит глупо, и замолчал.

– Можно. И ранить, и убить, Виталик. И научиться можно. Такая стрельба достигается высокой степенью концентрации, это вопрос тренировки. Волшебству всегда можно научиться, если тебе это необходимо, – ответила Ирина Андреевна и, повернувшись, зашагала в дом.

Она опять хромала, хотя в последнее время этого почти не было заметно, и все стали забывать, что директор когда-то припадала на ногу. А вот теперь хромота, похоже, вернулась.

– Пап, а ее тоже... в ногу, да? – тихо спросил Виталик.

– Не в ногу, сынок, – тяжело вздохнул отец. – Скорее – в сердце.

– В сердце! – вздрогнул Виталик. – Как же она выжила?

– Она очень сильная. Наша Ирина Андреевна. А вы двое слушайте ее и не подводите, ясно?

Мальчишки молча закивали. Славка побежал догонять Ирину Андреевну.

И никто не заметил черную летучую мышь, висящую вниз головой на ветке ближайшего ильма.

Перо до поры до времени было спрятано. То, что осталось от мольберта, Виталик с отцом захватили с собой.

– Пап, я не понимаю. Тут же дети. У нас совсем мелкие есть. Как же они могут?..

– Ты про орланов? – Привратник снова тяжело вздохнул. – Это инстинкт. Не забывай, сын: они не люди. Они оборотни. И я думаю, это даже не юниор-полиция, те более человечны. Они стреляют в техно – то есть в полноценных врагов.

– Думаешь, в Никитку или в Леську они не попал и бы?

– Уверен: даже в Славку бы не попали. В нем ни грамма техно и никогда не будет. Другой природы человек.

Виталик помолчал.

– Пап, почему ты техно, а я – орлан? – наконец задал он давно назревший вопрос. – И почему ты не возражал? Может, у нас мама была орланом?

Привратник хмыкнул:

– Слава белкам, нет, сынок. Мама не орлан и не техно. Так ведь и ты не орлан, мы с матерью люди, и тебя родили человеком. А не против я был, потому что...

Привратник остановился и поднял голову, шурясь на солнце.

– А нет смысла быть против, понимаешь? Без толку. Оно ж все равно вылезет из тебя. Не раньше, так после. Но позже-то труднее будет, лучше уж сразу.

– Спасибо, пап.

Звуки выстрелов уже какое-то время не были слышны, и подходившие к двери привратник с сыном только было подумали, что на сегодня боевые действия окончены, как вдруг со стороны озера отчетливо раздался стук топора. Они замерли на пороге, а Ирина Андреевна и Ляля выглянули из окна.

– Орланы что – весь лес решили вырубить? – спросила Ляля. – Если они нас не видят, то не успокоятся, пока...

– Ну-ну-ну, – улыбнулся привратник. – Лес не даст им так глумиться над собой. Вот увидишь, завтра они успокоятся.

Похоже, Лялька успокоилась не слишком, и Виталик, войдя, обнял ее за плечи.

– А сейчас младшие займутся русским языком, – заявила Ирина Андреевна. – Самое время вспомнить о школе. Дарья Павловна, пожалуйста!

Директор указала на мансарду, Даша кивнула и, прихватив тетради, полезла наверх.

– А старшие что будут делать? – спросила Юля.

– Со старшими мы будем учиться оказывать первую помощь: накладывать шины и перевязывать раны. А моей главной помощницей назначаю...

Все посмотрели на Натку.

– ...Юлю!

Юля вздрогнула и вытаращила глаза. Она, как и все, была уверена, что честь выпадет племяннице директрисы.

– А что, – сказала она, приходя в себя, – я даже немного умею...

И улыбнулась! Юля улыбалась так редко, что лучше сказать – никогда. Поэтому все удивились еще раз.

– Я знаю, – кивнула директор. – Пусть теперь и остальные узнают. Давайте разобьемся на пары.

– Неужели, – подойдя к тете вплотную, тихо спросила Натка, – у кого-то будут раны?

– Боюсь, что будут, Наташенька, – прошептала Ирина Андреевна и обняла племянницу. Показать ей мольберт она пока не решилась.

Потом стала объяснять про переломы и ушибы.

Это занятие было необходимо не только для того, чтобы действительно научить детей полезным вещам, но и чтобы отвлечь всех от непрекращающегося стука топора.

Остаток дня прошел в делах и заботах, ужин готовили на улице, но под зоркой охраной – решили не мудрствовать и пожарить грибы. И казалось, к ночи все успокоились. Топор стучать перестал – орланы тоже спят в темное время, – и воцарился относительный мир. Дети не капризничали, укладывались охотно. Всех младших мальчиков отправили спать наверх, а взрослые, включая Лялю и Машу, долго сидели внизу, обсуждая дальнейшие действия.

И только утром на месте не оказалось одной из нянек – она сбежала, прихватив с собой свою семилетнюю дочку Таню, ту самую девочку, которая больше всех любила страшные истории.

...По-видимому, успокоились не все.

Глава пятая

О длинной дороге, песнях и бомбах-вонючках

Аня

Мы сидели внизу на столе и разговаривали. Я не стала рассказывать, что я – техно. Арт все равно не поймет. Я жила в интернате, случайно узнала, что мои родители – в тюрьме на Центральном острове. Предположительно здесь же мой брат-близнец, которого усыновили в раннем детстве, и вот я сбежала и ищу их. Так звучала моя версия. Поскольку я ничего не наврала – все это может и не быть правдой, но я-то во все это верю! – Арт, кажется, тоже поверил. А еще я коротко рассказала ему про встречу с детьми в библиотеке. Услышав, что Линкка выглядит более нормальной по сравнению с мальчишками, он несколько повеселел.

– Интересно вы живете... А что от искинов сбежала? Мне в больнице нравилось.

– Не знаю... Мне рядом с ними как-то... неприятно.

– Ты прям как моя Елка, – усмехнулся Арт. – Когда водил ее зубы лечить, она так орала, как будто ее режут. Я спрашиваю: больно? А она: «Нет, искины противные!» Прикинь?

У меня возникла безумная мысль.

– Послушай... как она сюда вошла, а? Замок же закрыт был.

Арт не сразу ответил.

– Разве не ты ее впустила?

Ну, это уж точно вранье. Не думает он, что ее впустила я.

– Нет, я спала. Почему ты не хочешь сказать? Я ведь не искин, никуда ее не заберу.

– Потому что это бред. Ты бы поверила, что кто-то ходит через закрытые двери?

Я вспомнила тренерскую. Там вообще не было двери, но я как-то очутилась в Городе-за-воротами. Сказать ему? А вдруг это ловушка?

– Поверила бы, – только и ответила я.

Но Арт явно не хотел продолжать разговор на эту тему.

– Как, говоришь, зовут твоего брата?

– Алеша. Фамилию я не знаю, Пчелкина – это ведь настоящая моя фамилия, мне ее в интернате дали.

– Если твоего брата действительно воспитывают здесь искины, то имя с фамилией тебе ничем не помогут – ему давно дали ник.

– Что такое этот ник? Зачем он?

– Ну как... – растерялся Арт. – Это вроде имени, только... Имена, я слышал, повторяются. А ник у каждого свой, второго такого же на острове нет, иначе тебя нельзя записать в Паутину. В информационную сеть.

– Зачем записывать? – нахмурилась я.

– Хм. – Арт пожал плечами. – Ну, чтобы были твои данные. Вот, например, карточка школьника. – Он достал из кармана прямоугольник – такая же карта была у Линкки. – Она выдается, как только твои данные записывают в Паутину. А с ней ты потом едешь на транспорте, ешь в школьной столовой, к искинам в клинику ходишь, если надо, раз в год по ней покупаешь тетради... Еще для чего-то она нужна, я просто не в теме.

– В библиотеку ходить, – подсказала я.

– О, ты больше меня знаешь! – отозвался Арт, засовывая карту в карман. – Слушай. Представь, во что превратился твой брат с мыслешунтом. Тебе точно надо его видеть? Он и не помнит ни тебя, ни родителей... вообще ничего.

– Почему с мыслешунтом? – горячо возразила я. – У тебя и твоих друзей же нет мыслешунтов! Может, он в нормальную семью попал, к людям!

Арт странно посмотрел на меня.

– К людям? – переспросил он, наморщив лоб. – Бред полный. Бывает, что своих детей оставляют. Но чтобы брали чужих? Никогда не слышал. На воспитание берут только искины. Для них это вроде игрушечных бобиков. Некоторые родители еще и спасибо говорят, что у них ребенка забрали. А ты говоришь: в нормальную семью. Ха-ха три раза.

Я растерялась. Но если Алеша у искинов, как же он... Ведь ему должно быть плохо рядом с ними, он бы не смог... А может, внезапно осенило меня, мой брат – не техно? С чего я взяла, что он обязательно техно? Тогда ему, наверное, все равно.

Я слезла со стола и уселась на скамейку лицом к Арту.

– Но как же я его найду?! – произнесла я, подперев кулаком голову.

– Все-таки хочешь найти? – неодобрительно протянул Арт. – Даже если он... как...

– Но Линкка же – человек как человек! – ухватила я за последний аргумент.

– Линкку забрали в одиннадцать лет! – возразил Арт. – За четыре года, может, она просто не успела превратиться в железную болванку. А твоему братану сколько было?

– Полтора года, – упавшим голосом ответила я.

Арт присвистнул:

– Капец котенку.

Я почувствовала, как по щекам катятся слезы.

– Слушай, извини, – смутился Арт. – Может, не так все плохо.

– Но ты же сказал... что... – всхлипывала я.

– Мало ли что я сказал, нашла кого слушать, – ответил он мрачно.

– Тогда... скажи, как его можно найти? Вы все говорите про какую-то Паутину...

Я вытерла слезы ладонью.

– Паутина – это информационная сеть. Чтобы в ней что-то искать, надо ввести данные. А что вводить, если ник не знаем и фотки нет? Да в нее на раз и не попасть.

Я почувствовала, что очень устала. Сегодняшний день, плавно перешедший в ночь, выдался невероятно длинным. Я просто уронила голову на руки... а дальше не помню.

* * *

Проснулась я от того, что солнечный свет бил в глаза. Оказывается, внизу есть круглое окошко. Шея и плечи затекли, еле повернула голову. Спать, сидя за столом, – это ужас-ужас.

Арта не было. Он только оставил мне свою толстовку, которая успела сползти на пол. Я поскорее натянула ее: со сна холодно. Руки утонули в рукавах, а шорт из-под нее вообще не было видно. Жалко, что толстовка не до пят. Кое-как покрутив шеей, я подошла к лестнице.

– Елка, ты там? – крикнула я на всякий случай.

Мне никто не ответил. Конечно же Арт увел племянницу.

Я отыскала дверь в туалет, там же имелась треснутая раковина, и даже холодная вода из крана шла. При свете дня хорошо видна была плесень на стенах маяка – тут как-никак сыро.

Щелкнул замок, и на пороге появился Арт. В руках он держал какую-то штуку в чехле, а под мышкой – сверток.

– Здорово. Выпалась?

– Привет. Угу, только шея болит, – усмехнулась я.

– Сочувствую. Слушай, жрать охота. Тебе, наверное, тоже. Денег нет, дома – пусто, остался один бутерброд, для матери. Она сейчас с работы придет... Елке хорошо, ее в саду накормят. Поможешь заработать?

– А... конечно, а что надо делать? А что это у тебя? – посыпались из меня вопросы.

– Это? – Арт швырнул сверток на стол – тот распался на джинсы и водолазку – и похлопал по предмету в чехле. – Гитара. Ты петь или танцевать умеешь? Хотя бы как-нибудь. Сильно хорошо не нужно.

– Могу... петь.

– Ну и ок. А это я тебе принес сеструхины шмотки, она из них давно выросла. Меряй, погода не для шортиков.

Штаны были жутко драные. Вернее, их словно нарочно кто-то разрезал в нескольких местах, по краям дырок свисала бахрама.

– Ой...

– Да это специально, ты не думай. Ньютка любила выпендриться.

Водолазка была белой, а спереди намалеван рисунок: перевернутая башня, в которой, как в рожке, болтались три розовых шарика мороженого. Сама бы я ни за что такое не надела. Но по необходимости сойдут любые вещи.

– Спасибо тебе... – искренне поблагодарила я Арта. – Я тогда... наверх...

– Я отвернусь, не беспокойся. Времени жалко.

Арт повернулся спиной к столу, а я, не раздумывая долго, начала переодеваться.

– Блин! – воскликнул он вдруг.

– Что?

– Кроссовки забыл. Хотел же взять! Шлепанцы твои – просто песня.

– Ничего, я с ними сроднилась, – вздохнула я, натягивая водолазку.

– Вообще... надо тебя привести к нам. У сестры еще всякое барахло осталось, тебе пригодится, – заявил Арт, слегка запнувшись.

Да уж. Я бы не отказалась от еще кое-какого «барахла». И неважно, что ношеного.

Медальон спрятать под водолазку не получилось – она же в обтяг, это не свободная футболка. Хотела снять и сунуть в карман, но меня ждал сюрприз: карманы джинсов оказались «обманками». Пришлось оставить медальон сверху. Булавку с остатками ниток пришила к штанине изнутри.

– Готово! – объявила я.

Арт обернулся.

– О, в самый раз, отлично!

Честно говоря, джинсы были мне длинноваты, но я их подвернула. Толстовку вернула Арту, и он поскорее натянул ее.

– А это что у тебя, можно глянуть?

Не дожидаясь разрешения, Арт взял медальон в руки, чтоб удобнее было рассматривать.

– Просто балерина, – как можно спокойнее ответила я.

Арт повертел медальон в руках.

– Он играет? Можно?

Трогать ключик он не спешил – дождался ответа.

– Промок, к сожалению. Где бы тут у вас починить, а?..

Арт отпустил медальон.

– Смотря что внутри – микросхема или механика.

– Э?..

– Ясно, – усмехнулся он. – Что за музыка была?

– «Шутка» Баха. Не знаешь, случайно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.